

ЛЕВ ЛУРЬЕ

ОКНО
в
ИСТОРИЮ

ХИЩНИЦЫ

Убийство графа КОМАРОВСКОГО.

(Дело Тарновской, Прилукова и Наухова — судьба).

ны суда.

(Факт признания).

судейский.

Март. Процесс Тарновской и Прилукова начался в 1900 году. Дело было о том, что Тарновская и Прилуков, имея намерение убить графа Комаровского, наняли для этого убийцы.

Бонджини застрелил графа Комаровского в 1900 году. Тарновская и Прилуков были признаны виновными в убийстве.

Ахметов, знавший о том, что Тарновская и Прилуков наняли убийцу, был свидетелем убийства.

Тарновская и Прилуков были признаны виновными в убийстве графа Комаровского.

Тарновская и Прилуков были признаны виновными в убийстве графа Комаровского.

Тарновская и Прилуков были признаны виновными в убийстве графа Комаровского.

Тарновская и Прилуков были признаны виновными в убийстве графа Комаровского.

Тарновская и Прилуков были признаны виновными в убийстве графа Комаровского.

Вышел 20 сентября из Киева. В КИЕВЪ, 12-го Марта. По делу Тарновской и Прилукова суд назначается из Киева в 20 сентября.

Показанія въ Звѣрь-ложѣ.

Эти слова вырываются у Тарновской на то время, когда председатель суда читает ей приказ показаний свидетелей, графиня Палкина.

Послѣдняя старается обрисовать Тарновскую, — какъ отчаянную, добрую женщину, которая во многих случаях была жертвою своего безвольнаго и распутнаго мужа, познакомившаго ее со тѣмъ тѣмъ прудомъ, который назывался кружкой ей тогда.

Даже болѣе Тарновская не остается, а только говоритъ, что она не могла не остаться.

Тарновская и Прилуков были признаны виновными в убийстве графа Комаровского.

Тарновская и Прилуков были признаны виновными в убийстве графа Комаровского.

Тарновская и Прилуков были признаны виновными в убийстве графа Комаровского.

Тарновская и Прилуков были признаны виновными в убийстве графа Комаровского.

По этому делу... Таблетки... никакие... нечеловеческие.

Гонимый... «Всего Прото... чинныхъ то... андреевскихъ, в... баконскихъ слу... рестораторъ и... гонимыхъ... Эти послѣдніе... слова «необран... куликовъ» и... самое важное... дѣла съ...

bhv

Окно в историю

Лев Лурье

Хищницы

«БХВ-Петербург»

2012

Лурье Л. Я.

Хищницы / Л. Я. Лурье — «БХВ-Петербург», 2012 — (Окно в историю)

«Серебряный век» стал для России временем нерешительных мужчин и роковых женщин. Ослабление воли правящего класса предреволюционной России привело к тому, что без всякого официально провозглашенного равноправия «русские амазонки» принимали все большее участие в политике и экономике, управляли мужчинами, а не подчинялись им. Героини этой книги сейчас практически забыты, но каждая в свое время была известна и сыграла в жизни России роковую роль.

Содержание

Бабье царство	6
Глава 1	8
О'Рурки	9
Тарновские	12
Васюк	15
Новобрачные	16
На свободе	19
Боржевский	21
Драма у подъезда «Гранд Отеля»	23
Самоубийство Шталя	26
Суд в Гомеле	28
С Прилуковым	30
Падение Комаровского	33
Задуманный двойной удар	36
Те же и Наумов	38
Смерть в Венеции	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лев Лурье

Хищницы

© Лурье Л. Я., 2012

© Оформление, издательство "БХВ-Петербург", 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Бабье царство

В начале XX века казалось: императорская Россия будет существовать вечно. Даже 47-летний Владимир Ленин в январе 1917 года говорил молодым швейцарским социал-демократам: «Революция, конечно, произойдет, но не на глазах моего поколения». И вдруг все рассыпалось мгновенно и, как оказалось, окончательно. С расстояния времени виден один из признаков угасания старого режима – ослабление воли правящей элиты. «Серебряный век» стал для России временем нерешительных мужчин и роковых женщин.

Правящий класс перестал быть хищным и модным. Чехов или Блок никогда не бывали в Зимнем дворце у царя и не жалели об этом. Поместное дворянство – Гаев, Иванов, дядя Ваня, герои Алексея Толстого и Ивана Бунина – лишены воли не то что к власти – к жизни. Это мужчины, остающиеся детьми и в старости. Любители лошадей, хорошего шампанского, балетных танцовщиц и солисток ресторанных хоров. Астения дворянства особенно видна в материалах тогдашних сенсационных судебных процессов.

В 1910 году главная мировая сенсация – «Коза руссо» («Русское дело»): в Венеции сотни судебных репортеров со всех концов света, среди любопытствующих зрителей – Эдгар Дега, Сара Бернар, Габриэле Д'Аннунцио. Венецианские судьи подробно рассматривают быт и нравы российской элиты «Серебряного века».

Недаром на процессе в Венеции адвокаты вспоминали австрийского романиста Захера Мазоха. Главные героини писателя – гордые украинки, доминирующие над слабыми европейскими мужчинами.

Ослабление воли правящего класса предреволюционной России привело к тому, что без всякого официально провозглашенного равноправия «русские амазонки» принимали все большее участие в политике и экономике, управляли мужчинами, а не подчинялись им.

Самовластной хозяйкой Мариинского театра на долгие годы стала Матильда Кшесинская. Попутно, через своего покровителя великого князя Сергея Михайловича, управлявшего российской артиллерией, она проталкивала (не безвозмездно) заказы на пушки и пулеметы для русской армии. В Александринском театре распределяла роли дважды разведенная Мария Савина.

«Бабьим царством» становится и правящая династия. При Александре III морганатические браки были исключены, при Николае II они стали обыкновенным явлением. Причем их инициаторшами были, как правило, именно женщины, уводившие мужчин из императорской семьи.

Второй по значимости (после наследника) претендент на трон, великий князь Михаил Александрович, тайно женился на Наталье Вульферт (в первом браке – Мамонтова). Кирилл Владимирович (третий по близости к трону) вступил в брак со своей двоюродной сестрой – Викторией Мелитой, разведенной супругой герцога Эрнста Людвиг Гессенского.

Дядя Николая II Павел Александрович был выслан из России за то, что отбил у генерала Эриха фон Пистолькорса супругу Ольгу, и женился на ней. Его дочь Мария Павловна бросила мужа, шведского короля Вильгельма, ради французского герцога Монпансье, искусного охотника на тигров. Наконец, родная сестра Николая II Ольга Александровна жила не со своим мужем принцем [Петром Ольденбургским](#), а с офицером Кирасирского полка [Николаем Куликовским](#).

Известно, какую огромную политическую роль играла сама царствующая императрица Александра Федоровна. Распутина, а до него других «целителей» – Папюса и Филиппа – ввели в царскую семью «черногорки» Стана и Милица – жены великих князей Николая и Петра Николаевичей. В заговоре великих князей, желавших удалить Распутина и императрицу, важную роль играла жена великого князя Владимира Александровича – Мария Павловна.

Русский правящий класс «обабивался». Чудо-богатыри, входившие в Париж, через столетие превратились в Ипполитов Матвеевичей Воробьяниновых. И, когда настала пора защищать монарха и самодержавие, на помощь государю не пришел ни один из великих князей, ни один командующий фронтом. Да и в Гражданскую войну против «красных» воевали не великие князья, не представители знаменитых русских родов, а – скромные фронтовые офицеры, тянувшие до 1914-го лямку в провинциальных гарнизонах. Словами Георгия Иванова, «Овеянный тускнеющею славой, в кольце святош, кретинов и пройдох, не изнемог в бою Орел Двуглавый, а жутко, унизительно издох».

Американский историк Сэм Рамер назвал события 1917 года «революцией фельдшеров». Ее делали те, кого в старое время не подпускали к власти, кто не имел шанса – прапорщики, провизоры из черты оседлости, фрезеровщики Путиловского завода, журналисты левых газет, кронштадтские матросы. И что бы ни говорили о «красных», в них была настоящая жестокая воля. Потому Троцкие, Фрунзе и Буденные победили выпускников Пажеского корпуса и Николаевского кавалерийского училища.

Эхо этого социального подъема чувствовалось в стране вплоть до 1960-х. Некогда было «бабиться» – страной правили выходцы из народа, прошедшие от деревенской избы или барака в рабочем поселке до Кремля.

Мы снова видим ослабление правящего, да и среднего класса с 1970-х. Система становится непроницаемой. «Любимый мой летит с одним крылом». Нервные герои Олега Янковского и Олега Даля обречены на пьянство и «личную жизнь». Леонид Брежнев – мелкий политический деятель эпохи Аллы Пугачевой. Защитить СССР, как и старую Россию, оказалось некому.

Нынешний режим мало кому нравится. Публицисты любят предрекать скорые и радикальные изменения. Их пророчества быстро становятся пошлостью. Петя звал, но волки не пришли. Долговечие нынешнего строя обеспечивают люди, сделавшие себя сами, альфа-самцы. Эти люди – мужчины, чаще всего неприятные.

Глава 1

Русская Цирцея

В центральном венецианском квартале Сан-Марко в доме под номером 2497 находится гостиница «Ада», а внизу – популярный в городе бар «Тарновска». Назван он в честь киевлянки, графини Марии Николаевны Тарновской, которая сто лет тому назад заставила говорить о себе весь мир. Эта сенсационная история началась с преступления, не вызвавшего поначалу особого интереса.

В 1910 году Россия – в центре внимания мировой прессы. Бежит из Ясной Поляны и умирает на станции Астапово Лев Толстой. В Париже с невероятным успехом проходят гастроли труппы Сергея Дягилева: «Русские сезоны». И, наконец, «Коза руссо» в Венеции – судебный процесс над русскими, собравший сотни репортеров со всех концов света. Даже для многочисленных случайных туристов он стал главным аттракционом венецианской ранней весны. Больше, чем голуби на площади Святого Марка, львы у ратуши и дом Шейлока.

На скамье подсудимых – сын пермского губернатора, известный московский адвокат и русская графиня, в предках у которой Мария Стюарт. Среди людей, которых она загубила – молодой украинский аристократ, польский шляхтич, остзейский барон и русский граф. Она пыталась довести до каторги мужа – наследника знаменитого малороссийского дворянского рода. Это суд не только над Марией Тарновской. Венецианские судьи подробно рассматривают быт и нравы российской элиты «Серебряного века».

Мария Николаевна Тарновская

О'Рурки

Графиня Мария Николаевна О'Рурк происходит из древнего, славного и многочисленного ирландского рода (выходец из него, например, знаменитый актер Микки Рурк).

О'Рурки ведут свое происхождение с времен Брайана, одного из сыновей ирландского короля.

После смерти короля в 362 году и кровавой междоусобицы среди наследников, Брайан и его потомки утвердились на западе Ирландии, в Коннахте. Это самая суровая, неплодородная часть страны. Сюда англичане позже ссылали непокорных. Оливер Кромвель говорил, что у бунтующих ирландцев один выбор: в ад или в Коннахт.

Подданные Брайана, племя Уи Брюин в X веке раскололось на два кельтских клана: О'Рурков и О'Рейли. После многовековой вражды, в 1100 году, О'Рурки утвердились в Брефне (ныне – графство Литрим), которым владели вплоть до XVII столетия. До сих пор на границе Ольстера и Республики Ирландия высятся многочисленные замки клана, в том числе величественный Клонкоррик.

Со времен английского короля Генриха II (XII век) англичане постепенно завоевывали «Зеленый остров». В 1541 году Генрих VIII провозгласил Ирландию королевством, а себя – ее королем. Между Ирландией и Англией была установлена уния. Особое ожесточение в англо-ирландские отношения внесла Реформация, проведенная Генрихом: англичане стали протестантами, ирландцы остались католиками. Противостояние между двумя народами не раз приводило к кровавым восстаниям и политическим убийствам.

Оно сказалось и на судьбе предков Марии Тарновской. Брайан на Мурта О'Рурк, один из вождей ирландского сопротивления, отряды которого контролировали значительную часть острова, во время войны протестантской Англии с католической Испанией, поддерживал единоверцев. Когда испанская Непобедимая армада, огромная флотилия с десантом, была в 1588 году разбита англичанами в Ла-Манше, большинство уцелевших кораблей не смогли доплыть до родины, попав в сильный шторм. Многие жертвы кораблекрушения спаслись в Ирландии благодаря Брайану на Мурта. Объявленный британцами вне закона, он пытался получить убежище в Шотландии, но был выдан англичанами, обвинен в государственной измене и повешен в 1591 году в Лондоне.

XVII век сулил О'Руркам одни неприятности. Оливер Кромвель конфисковал их земли в Ирландии. Ирландские аристократы отправились в эмиграцию. После Славной революции 1688 года они приняли сторону низложенного короля Якова II. Все попытки шотландских и ирландских якобитов, при поддержке Ватикана и Франции, возвести своего претендента на британский престол закончились неудачей. Во время битвы на Бойне 1690 года, Брайан О'Рурк смело сражался с англичанами, но якобиты потерпели поражение. Руководители клана переместились в континентальную Европу, где превратились в «солдат удачи».

В 1760 году внуки Брайана – братья Джон и Корнелиус О'Рурки – отправились в Россию, служить императрице Елизавете Петровне. Елизавета официально признала за ними титулы «ирландских графов». Джон О'Рурк к тому времени снискал больше славы: это был опытный офицер, служивший до России в Англии и Франции. Бретер и смельчак, он четырежды выходил победителем на дуэлях в Париже. Но в России сэр Джон задержался всего лишь на год – майор конных кирасир участвовал во взятии Берлина и вернулся во Францию с рекомендательными письмами от Петра III, фельдмаршала Суворова и генерала князя Волконского.

А вот Корнелиус прочно обосновался на новой родине. Страстный ирландский патриот, он навсегда простился с отечеством. Жена его была ирландка – дочь генерал-майора Стюарта и Ханны Марии Ласси (сестры русского фельдмаршала, ирландца Петра Ласси). Корнелиус

О'Рурк воевал в Польше и на Северном Кавказе и умер в чине генерал-майора, будучи комендантом Дерпта (нынешний Тарту).

Сыновья Корнелиуса – Егор, Иосиф и Патрикий – наследники О'Рурков и Стюартов (в том числе знаменитой Марии Стюарт). Наиболее прославлен Иосиф – участник Итальянского похода, войны со шведами, битв при Аустерлице и Прейсиш-Эйлау. С Кутузовым они воевали в Турции, потом гнали французов из России. Иосиф Корнилович отличился в Битве народов под Лейпцигом, брал Париж. Он закончил военную карьеру в чине генерала от кавалерии. Портрет его украшает «Галерею 1812 года» в Зимнем дворце. От него происходит белорусская ветвь О'Рурков (в 1819 году он вышел в отставку и получил огромное имение рядом с Новогрудком).

Но наша героиня Мария Николаевна происходила от другого сына Корнелиуса – Джорджа (Егора). Пятый сын этого Егора – полковник Мориц (Маврикий) Егорович – закончил Пажеский корпус и, естественно, поступил на военную службу. Выйдя в отставку, он в 1843 году прикупил имение в селе Ярмаки Миргородского уезда Полтавской губернии, был выбран уездным предводителем дворянства и женился на местной дворянке. Его потомство – украинская ветвь О'Рурков – постепенно перешло из католицизма в православие.

Полковник Мориц О'Рурк

Граф Николай Морицевич закончил Морской корпус и, будучи юнкером, участвовал в знаменитом кругосветном путешествии фрегата «Аврора» и обороне Петропавловска-Камчатского от нападения англо-французского флота. Вспоминая события на Камчатке, Николай О'Рурк писал: «Поразительное бывает у некоторых людей предчувствие, указывающее ожидающую их смерть или великую беду. Так случилось и с князем Максutowым, который вечером накануне сражения в глубокой задумчивости сидел на своей батарее. Он часто думал о своей смерти и, между прочим, говорил о ней со мной. Пал он героем и особенное присутствие духа показал, когда ему пилили кость раздробленной руки. Ни звука не издал, он только сжимал губы и перекусил сигару, которую держал в зубах. Как только появлялся кто-нибудь с фрегата, он намеренно говорил: “Молодцы наши авроровцы!”»

Выйдя в отставку капитан-лейтенантом, Николай Морицевич служил чиновником по особым поручениям при киевском генерал-губернаторе. Затем был председателем съездов в миргородских уездных учреждениях; закончил службу почетным мировым судьей. Его жена – в девичестве Екатерина Селецкая – дочь крупного чиновника – тайного советника, гофмейстера Петра Дмитриевича Селецкого, выпускника киевского и берлинского университетов,

киевского вице-губернатора и предводителя дворянства, владельца села Малютинцы (Отрада) Пирятинского уезда Полтавской губернии.

Мария Николаевна О'Рурк родилась в мае 1877 года в имении матери в Отраде. У нее было четыре брата и сестра Ольга (вышла замуж за Харьковского губернатора и сенатора Катеринича).

У Марии – странное детство. Ребенком, качаясь в гамаке, она сильно ударилась головой о дерево и начала слепнуть. Из-за неправильно поставленного диагноза много лет прожила с плотной повязкой на глазах. Считалось, если ее снимут, девочка окончательно потеряет зрение. Мария О'Рурк избавилась от повязки только в 12 лет, после того как ее начал лечить доктор, специально привезенный из Англии. Стройная рыжеволосая, с голубыми глазами девица, в жилах которой текла кровь и ирландских, и английских королей, и украинских помещиков. Что называется, кровь с молоком, с юности она привлекала внимание мужчин.

В 17 лет Мария окончила Полтавский институт благородных девиц (где ее прозвали *demivierge*, то есть «полудевственницей»). Демивьержками в те годы называли девиц, которые, оставаясь физически девственными, познали тайны плотской любви, не уступая в опытности замужним женщинам. Были ли это лесбийские отношения с товарками по институту или извращенные способы удовлетворять желания мужчин – мы можем только догадываться. Во всяком случае, первые опыты разврата, приобретенные в институте, дали ей с юности невиданное бесстыдство.

В последних классах института Мария обнаружила: в нее без памяти влюблен красавец и богач Василий Тарновский – самый модный жених Киева. Поклонник, как и его избранница, происходил из знатного, хорошо известного на Украине рода. Мария решила рискнуть: такие мужчины на дороге не валяются.

Тарновские

К концу XIX века богатые и знатные малороссийские роды обосновались в Петербурге: Разумовские, Кочубеи, Безбородко. Впрочем, если их богатство было несомненным, то знатность находилась под вопросом. Пушкин в «Моей родословной» гордился тем, что его потомки – те, кто «в князя не прыгал из хохлов».

Из тех, кто остался в Малороссии, самыми заметными и состоятельными считались Галаганы, Скоропадские, Тарновские.

Тарновские утверждали, что они происходят от гетманов, хотя всем было известно: основатель рода Иосип не имел даже фамилии, а его сын Иван Иосипович по прозвищу Ляшок был простым мельником. Удача пришла к Тарновским в 1824 году, когда одному из них, титулярному советнику Григорию Степановичу Тарновскому, по завещанию досталось роскошное имение фельдмаршала Румянцева-Задунайского Качановка в Черниговской губернии (мать Григория была вторым браком замужем за неким Почекой, которому имение и принадлежало с начала XIX века).

Григорий Тарновский стал обладателем огромного дворца, окруженного парком с прудами, павильонами, «гротами любви». На одном из прудов был плавающий остров: деревья, трава и камыши. Но не на земле, а на искусно замаскированном понтоне. А поддерживали все это хозяйство 9 тысяч крепостных.

Григорий Степанович был человек ловкий и обходительный. Он щедро снабжал знатных земляков в столице плодами своих черноземов: соленьями, медом, водкой, наливками и медовухой, а также домашними колбасами, салом. А летом петербуржцы гостили в королевских чертогах Качановки. Тут Михаил Глинка писал «Руслана и Людмилу», а Гулак-Артемовский – «Запорожца за Дунаем», Николай Гоголь занимал хозяев только что написанным «Тарасом Бульбой», а Тарас Шевченко ухлестывал за хорошенькой родственницей хозяина. В Качановке имелся крепостной театр, картинная галерея и оркестр. У хозяина был гарем, состоявший из крепостных девок. За стол садилось по 100 человек, и трезвыми и голодными не выходили. Благодаря хлопотам высокопоставленных земляков, Григория Степановича заметили при дворе. Он стал камер-юнкером (как Пушкин).

После смерти бездетного Григория Степановича в 1853 году поместье перешло к его двоюродному племяннику Василию Васильевичу Тарновскому. Одноклассник Николая Гоголя по Нежинскому лицей, Тарновский закончил юридический факультет Московского университета, преподавал русскую историю в Житомирской гимназии. Гоголь писал про одноклассника: «Он добрый и свежий чувствами, как дитя, немного мечтательный и всегда готов к самопожертвованию... Для него не существует ни чинов, ни повышений, ни честолюбия». Это был человек либеральный и еще при Николае I составлял проекты освобождения крестьян от крепостной зависимости. Александр II вызвал его в Петербург, где Василий Васильевич участвовал в работе редакционных комиссий, составивших положение об освобождении крестьян.

Как и все Тарновские, Василий Васильевич кутил. Его сын свидетельствовал: «Отец мой все свое имущество прогулял на водку. За всю свою жизнь он так замечательно проспиртовался, что лежит в церковном склепе совсем нетленный. Можно его хоть сейчас причислить к лику святых и выставлять напоказ, как новоявленные мощи».

В 1866 году, после смерти Василия Тарновского-старшего и его супруги (они умерли в один день), Качановку унаследовал сын, было ему тогда 29 лет. Его принято называть Василий Васильевич-младший – выпускник историко-филологического факультета Киевского университета, любитель искусства, эксцентрик, деградант. Он, скажем, пустил в Качановке водочный фонтан: «Вот там возле села у меня был винокуренный завод. Когда я женился, то приказал пустить фонтан водки. Пей, крещеный люд, сколько душе угодно! Боже ж мой, сколько бро-

силось к этому фонтану народа! И сколько их валялось возле него, как трупов после великой битвы! Кто с ведром, кто с кружкой, кто рот подставлял под струи водки, а кто хватал пригоршнями! А бабы бежали с горшками, макитрами и бутылками: что схватили, с тем и неслись, а оттуда – домой, и снова к фонтану. Один дядька отбежит от него, а потом снова назад: «Ось тіки ще раз ковтну!» Много было таких, что спали возле фонтана до следующего утра. А некоторые и кости свои там сложили».

Василия Васильевича не считали красавцем. Это был человек маленького роста, худенький, с черными, как смоль, волосами и длинными «казацкими» усами. Женат был на статной, высокой красавице, но оставался знаменитым «ходоком». «Была ли это хорошенькая и податливая пани или простая босоножка, на двадцать верст вокруг Качановки, – говорили люди, – не было такой красивой девки, которая не побывала бы в руках пана Тарновского». Горячая казацкая кровь делала Василия Васильевича-младшего неуправляемым и опасным. Однажды он пистолетным выстрелом убил местного крестьянина, рубившего в его лесу дерево. Ему угрожала каторга. Пришлось тратиться на адвокатов и подкуп свидетелей, выдавших преступление за несчастный случай на охоте.

Василий Тарновский был человек исключительно тщеславный, с далеко идущими политическими планами. Он мечтал стать ни более ни менее – гетманом вольной Украины. А пока Малороссия прочно входила в состав единой и неделимой императорской России, он всячески холил свое украинское происхождение. Одевался в одежду запорожского казака: свитка, широкие шаровары, пояса-шарфы. Стал предводителем дворянства Нежинского уезда. Собрал огромную, лучшую в России, коллекцию казацко-гетманских музейных и архивных древностей. Издал альбомы с фотографиями шевченковских офортов и портретов украинских гетманов, каталог своих музейных коллекций. Сейчас оставшаяся часть собрания – основа двух музеев: Черниговского областного исторического музея имени Василия Тарновского и киевского Национального музея Тараса Шевченко. Он жертвовал немалые деньги на памятник над могилой Тараса Григорьевича, на сооружение памятников Богдану Хмельницкому в Киеве и Ивану Котляревскому в Полтаве, на создание Киевской публичной библиотеки, издание библии на украинском языке, создание журнала «Киевская старина».

При Василии Васильевиче-младшем парк в Качановке процветал. Садовники обустроили новые шедевры ландшафтной архитектуры – «Швейцарию», «Горку Любви», «Холм Верности», «Хвойную Горку».

Имение Тарновских Качановка

Столовая в имении Тарновских

Так же как и во времена Григория Степановича, Качановка в конце XIX века стала своеобразным летним пансионом для художников.

Константин Маковский оставил три работы, связанные с имением: картину «Запорожский казак», на которой изображен Василий Васильевич в своем излюбленном запорожском костюме, портрет жены хозяина имения Софьи Васильевны Тарновской и матери Василия Васильевича со стариком-служгой («Помещица»).

Летом 1880 года в имении побывали Илья Репин и его ученик Валентин Серов. Илья Ефимович использовал пребывание в Качановке для работы над одной из своих самых популярных картин «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Для этой вещи были необходимы предметы казацкой старины из коллекции Василия Васильевича Тарновского. Репин зарисовал походные чернильницы, которые носили на поясе казаки, кобзы, бандуры, печать на грамоте гетмана, запорожские сабли, ружья, короткие пушки, медные кувшины. В Качановке Репин сделал и множество портретных этюдов для «Запорожцев». Кучер Тарновского превратился на холсте в казака с протянутой рукой, а сам Василий Тарновский – усатый казак в черной шапке, стоящий по правую руку от писаря. Василий Васильевич позировал Репину для портрета гетмана. В то же лето художник написал в Качановке еще две работы: «Вечорницы» и «Аллея в парке. Качановка».

Васюк

У последнего владельца Качановки было трое детей: два сына – старший Василий и младший Николай – и дочь Софья.

Вспоминает внук Василия (Васюка) Тарновского Алексей Алексеевич Каплер: «Мой дед, Василий Васильевич Тарновский, родился в 1872 году в родовом имении Качановка. Когда ему исполнился один месяц, его отец собрал всех соседей и родственников и после крещения с гордостью вынес наследника на серебряном блюде показать гостям. Васючок рос невероятным шалуном и затейником, которому все прощалось, ибо все его обожали. Так, например, его мать, Софья Васильевна с особой тщательностью по всем христианским правилам готовила пасхальный стол, на котором, среди прочего, должен был быть поросенок с яйцом во рту. Однако, как она ни проверяла, а в момент, когда гости садились за стол, яйцо оказывалось у поросенка под хвостом. Казаки, охранявшие парк, научили Василия скакать на лошади и стрелять, отец обучил псовой охоте, качановские мальчишки – бороться, а после рассказов о запорожских казаках, их набегах и вольной жизни набеги вместе с качановскими приятелями на соседские бахчи, где арбузы были турками, привели к тому, что Васючка отослали учиться в столицу».

В Петербурге Василий Васильевич учился в каком-то военном учебном заведении и брал уроки пения у Камилло Эверарди. Знаменитый баритон, выпускник Парижской консерватории, Эверарди пел в Неаполе, Милане, Вене и Петербурге. В 1870–1888 годах он был профессором Петербургской консерватории, а с 1890 по 1897 год – Киевского музыкального училища.

Согласно семейным воспоминаниям, Васюк дружил с Леонидом Собиновым и Федором Шаляпиным, заезжавшими в Качановку запросто. Пел он и в России, и за границей под сценическим псевдонимом Снежков. Свою дочь позже назвал Татьяной потому, что в день ее рождения исполнял Онегина.

Василий Тарновский никогда нигде не служил, а досуг посвящал пению. По словам Алексея Алексеевича Каплера, отец Васюка «...категорически не принимал таланта сына и его увлечения пением. Он считал, что для родовитого дворянина фиглярствовать на сцене – моветон, поэтому дед пел под различными псевдонимами».

И вот Васюк влюбился в Марию О'Рурк и сделал ей предложение, которое было принято.

Новобрачные

Васюк Тарновский – молодой человек без специальности и положения, неслужащий дворянин 22-х лет. По слухам, его ожидает огромное наследство, но пока – живет на полном родительском содержании. От военной службы Васюка освободили врачи: нашли следы семейного вырождения – невращения в соединении с алкоголизмом и неблагоприятной наследственностью.

О'Рурки считают: Мария Николаевна – представительница английского королевского рода и русская графиня – может рассчитывать на более обеспеченного, имеющего положение и постоянный доход жениха.

Меж тем, Васюк – человек бесхарактерный, уже расстроивший свои нервы неправильной жизнью и злоупотреблением алкоголя. Пользуется репутацией доброго малого и кутилы. Его властный, жестокий, разгульный отец известен своим эксцентризмом; имение Тарновских – на грани разорения.

Но и Тарновским избранница Васюка не по душе. Они соседи по имениям и хорошо знают: невеста взбалмошная, странная, с дурной славой, без настоящего приданого. Да и Василий Тарновский пока еще не достаточно зрел, чтобы стать главой семьи.

Молодые, впрочем, решают по-своему. К тому же на их стороне бабушка Васюка – Людмила Тарновская, лихая казачка. Она посоветовала внуку устроить «похищение» невесты. 15 апреля 1894 года они венчались в маленькой сельской церкви. Старших не было – только светские приятели.

Брак состоялся помимо воли отца, этому не сочувствовали ни мать, ни старшая сестра – Софья Глинка. Но родители, в конце концов, смирились. Что делать: человек предполагает, а Бог располагает. После примирения новобрачные ездили к отцу в имение, он был неожиданно мягок с Марией Николаевной. Мура (так муж называл Марию Тарновскую) поселилась в Качановке.

Молодая пара жила зимой в Киеве или путешествовала по Европе. А летом проводила время в Качановке или Отраде – полтавском имении О'Рурков. Супруги вели беззаботную, богатую и суетную жизнь, переходя от бала к рауту, из театра в театр, из одного фешенебельного ресторана в другой, меняли курорты и наряды. Тарновская обожала роскошь, ее муж не скупился.

Они быстро стали «нюсмейкерами» киевского света. Поклонники говорили, что у Тарновской опьяняющие глаза и тициановский цвет волос, что она обаятельная и смелая, то, что в Америке называется «tomboy» (женщина с манерами мужчин). А те, кому Мария Тарновская почему-либо не нравилась, называли ее за высокий рост «дылдой» и «красивой колокольней».

Василий Тарновский – светский, всегда пребывающий в отличном состоянии духа хорошо сложенный брюнет. У него огромное состояние.

В 1897 году у Тарновских родился сын – тоже Василий, через два года – дочь Татьяна.

Прекрасный, южный, легкий Киев... Как писал Михаил Булгаков, «весной зацвели белым цветом сады, одевался в зелень Царский сад, солнце ломилось во все окна, зажигало в них пожары. А Днепр! А закаты! А Выдубецкий монастырь на склонах! Зеленое море уступами сбегало к разноцветному ласковому Днепру. Черно-синие густые ночи над водой, электрический крест Св. Владимира, висящий в высоте...»

Мура и Васюк Тарновские – веселые, богатые, красивые, лучшая киевская пара. Гости-примимные, дерзкие, открытые новым знакомствам и приключениям, в городе, где не стеснялись огромных трат и новинок моды, где все всех знают, и все – напоказ. Как писала Ахматова, Киев того времени – «...город вульгарных женщин. Там ведь много было богачей и сахарозаводчиков. Они тысячи бросали на последние моды, они и их жены... Моя семипудов-

вая кухня, ожидая примерки нового платья в приемной у знаменитого портного Швейцера, целовала образок Николая-угодника: “Сделай, чтобы хорошо сидело“».

Как складывались отношения между молодыми супругами, достоверно неизвестно. Внешне все выглядело прекрасно, но позднейшие показания и мемуары Муры описывают Василия Тарновского развратником, пьяницей, плохим мужем и отцом.

По ее словам, молодой муж со второго дня брака стал вести себя непозволительно. Когда она тяжело болела тифом в номере флорентийской гостиницы, он веселился с друзьями и подругами. По-холостяцки кутил в киевских увеселительных садах – «Олимпе» и «Шато», возвращался домой поздно. Или не бывал дома, или возвращался пьянехонек. В свои «сердечные тайны» Василий Тарновский охотно посвящал жену.

Постепенно степень его откровенности становилась все шире и шире. Он рассказывал и показывал разнообразные сексуальные трюки, к которым прибегали его любовницы и обладательницы древнейшей профессии. Она даже была знакома с некоторыми из этих женщин. И инкогнито посещала с мужем сомнительные гостиницы и даже бордели Ямской улицы.

А там, по описаниям завсегдатая «Ямы» и автора одноименной повести, Александра Куприна, дело обстояло так: «До самого утра сотни и тысячи мужчин поднимаются и спускаются по этим лестницам... Приходят свободно и просто, как в ресторан или на вокзал, сидят, курят, пьют, судорожно притворяются веселыми, танцуют, выделяют гнусные телодвижения, имитирующие акт половой любви. Иногда внимательно и долго, иногда с грубой поспешностью выбирают любую женщину и знают наперед, что никогда не встретят отказа. Нетерпеливо платят вперед деньги и на публичной кровати, еще не остывшей от тела предшественника, совершают бесцельно самое великое и прекрасное из мировых таинств – таинство зарождения новой жизни. И женщины с равнодушной готовностью, с однообразными словами, с заученными профессиональными движениями удовлетворяют, как машины, их желания, чтобы тотчас же после них, в ту же ночь, с теми же словами, улыбками и жестами принять третьего, четвертого, десятого мужчину, нередко уже ждущего своей очереди в общем зале».

Вначале Тарновская сопротивлялась мужу в его сладострастных затеях, но постепенно вошла во вкус и уже сама выбирала партнерш и диктовала сценарий. Увлекалась эфиром, морфием и кокаином. Ничто не мешало веселью супругов – великосветская дама, графиня Мария Тарновская родила сына прямо в отдельном кабинете одного из киевских ресторанов.

Тарновская никогда не признавалась в том, что их эскапады с мужем были совместными и добровольными. Однако, «Мидинетка» с профилем Мадонны, темпераментом Мессалины и сердцем Иродиады, для многочисленных своих потребностей имевшая множество любовников и умеющая уверить каждого, что он у нее один, вряд ли заслуживает доверия.

Тарновский, даже будучи пьяницей и развратником – обыкновенный человек, избалованный, обаятельный, несмелый, но уж не какой-то демонический тип. Известно, что Василий, после того как вынужден был расстаться с Марией Николаевной, перестал кутить, серьезно занялся певческой карьерой, оказался превосходным, заботливым отцом. В Киеве его любили, а вот Мария Николаевна симпатии не вызывала.

Младший брат Василия, ученик реального училища Петр, в 17 лет повесился. Из оставленного им письма известен мотив: он подскоблил отметки, поставив вместо дурных – хорошие. Отец собирался на другой день ехать в реальное училище проверить успехи сына и, возможно, нанять репетитора. Петр – юноша самолюбивый – понимал: его обман обнаружат. Отец – человек бешеного нрава, мальчик перед ним трепетал.

Но это семейная версия, что называется, «для людей». В Киеве же многие считали: Петр повесился из-за своей прекрасной невестки. Она – из злобы и скуки развратила юношу, играла с ним, как кошка с мышкой. Не в силах выбрать, разрываясь между братом и невесткой, Петр предпочел самоубийство. Мария вообще наслаждалась нравственным истязанием мужчин, она этим гордилась.

Между тем огромные амбиции и соответствующие им траты привели В. В. Тарновского-старшего на грань разорения. В 1897 году он продал Качановку миллионеру-сахарозаводчику Павлу Харитоненко. После продажи имения Василий Васильевич разделил вырученную сумму на три равные части: себе, дочери Софье Васильевне и сыну Васюку. На эти деньги Тарновский-старший купил в Москве дачу и снимал в Москве дом. А в 1899 году глава клана Тарновских умер.

До этого времени Мария Николаевна была вынуждена жить в основном в Качановке, воспитывала детей под присмотром строгого тестя. Теперь она получила полную свободу.

На свободе

Знаменитый адвокат Николай Карабчевский говорил о нашей героине: «Это природный злой гений. Очевидно: только нравственная дряблость окружающих ее людей сослужила ей эту службу, возведя на пьедестал таинственной леди Макбет. Тарновскую я бы защищал с истинным наслаждением; подумайте только, какая гигантская психологическая задача: «Как дошла до жизни такой?»»

В начале 1900-х – в моде *femme fatale* — роковая женщина. Она манипулирует мужчинами, подчиняет их своей воле, заставляет страдать, разоряет, доводит до самоубийства. Она в пьесах Оскара Уайльда, произведениях Валерия Брюсова, картинах Густава Климта. Ее жизнь – рискованна и скандальна. Такова и Мария Тарновская.

После раздела Качановки у Василия Тарновского еще оставалось почти 500 тысяч рублей. Супруги снимали квартиру в Киеве и прикупили имение в Житомирской губернии рядом со станцией Янушполь.

Мария Тарновская понимала: денег на продолжение роскошной жизни скоро не будет хватать. Она же хороша собой, порочна и постоянно притягивает мужские взгляды. Теперь бы избавиться от супруга, и можно составить другую партию, или жить с разными любовниками. Она занялась последовательной, садистической травлей своего мужа. Не просто изменяла ему, а делала это на глазах всего города.

А он, между тем, не менялся. Каждый вечер говорил себе: «Завтра начну новую жизнь». Но все шло по-старому – разгул продолжался, состояние таяло: за пару лет от полумиллиона осталось 180 тысяч рублей. Васюк по-прежнему был человеком, популярным в шантанах, деньги не считал, у него одалживались, его обирали.

Раз как-то Тарновская рано утром исчезла из дома. Муж ждал ее до позднего вечера, затем поехал в клуб и много времени спустя возвратился домой. Между супругами вспыхнула ссора. Васюк ушел в свой кабинет и лишь под утро, усталый и растерзанный, заснул. Вдруг он почувствовал, что кто-то крадучись входит в кабинет. Это была Тарновская. Она была бледная, с распущенными волосами, вся в белом, она казалась страшной. «Что с тобой?» – «Я отравилась, пришла с тобой проститься. Зови скорей детей...»

Все оказалось ловко подстроенным представлением. Или вот такой историей: Тарновская железной шкатулкой ударила о колено мужа, причем сама кричала диким криком. На вопрос горничной, почему барыня в то время как она била мужа, кричала, Тарновская с улыбкой заметила: «Надо уметь жить, дитя мое... Надо бить, а самой кричать».

Поклонников она предпочитала искать среди бретеров. Как будто хотела принудить мужа к смертельной дуэли. Или погибнет, или отправится на каторгу.

В заграничных странствиях Василий Тарновский на свое горе познакомился с дальним родственником, гвардейским ротмистром графом Павлом Голенищевым-Кутузовым-Толстым, правнуком фельдмаршала. Графу был 31 год, он был женат на княгине Екатерине Шереметевой, но разъехался с супругой. Из-за непрерывных скандалов у него возникли служебные неприятности, и Василий посоветовал Толстому перевестись в армейский полк, стоявший в Киеве. Представленный Марии Тарновской, Толстой начал за ней волочиться, демонстративно и настойчиво. Муре это явно нравилось. Богат, красив, знатен, свободен – чего еще надо?

Несмотря на то, что в 1899 году Василий Васильевич закрыл свой киевский дом в знак скорби после смерти отца, Толстой находил способы встречаться с Марией Николаевной и стал ее любовником. Они проводили время в гостиницах, об их похождениях знал весь город.

В июне 1899 года, заехав на ближайшую станцию, чтобы забрать свою корреспонденцию, среди прочих писем, Тарновский получает от почтмейстера конверты для супруги и ее французской горничной мадмуазель Мадеры.

Василий видит: почерк на адресе горничной – мужской, письма отосланы из Киева. Вскрывает конверт и читает: «Какие грустные дни я провожу вдали от тебя! Не иметь вблизи друга. Моя жизнь разбита. Дорогая Мура, я с ума сойду, если ничего не случится, я кончу жизнь самоубийством. Я виделся с Т-м, я телеграфировал отцу. Хотят поссорить нас с тобой. Если так же любишь меня, то возврати мне свои чувства! Явись! Говоря, благоговею, твой навеки. Павлик».

Васюк рассчитал француженку, изругал жену, но делу это не помогло никак. Как писал о Тарновской знаменитый тогда писатель Петр Боборыкин, она – «...светская дама с натурой. Хищная охотница за чужими мужчинами, особенно богатыми. Она не только хищна, но и продажна, и пока, до какого-нибудь крупного скандала, еще принадлежит к так называемому «избранному обществу». И жены тех мужей, на которых она охотится, принуждены встречаться с ней в тех же гостиных и принимать ее у себя».

У Тарновского оставалось два выхода: дуэль или развод. Но, как вспоминала его родная сестра Софья Глинка, «несмотря на рассеянный образ жизни, он жену свою очень любил. Всегда просил его вызвать по телефону, как только жена вернется домой. Главой семьи была жена, она женщина характера сильного, всегда умеет настоять на своем. Дома часто не бывал, иногда любил с приятелями в ресторан поехать. Она любит своих детей, но мало занимается ими. Мальчика любит больше. Развод не состоялся потому, что Мария Николаевна не хотела отдавать ему детей».

В результате Тарновский, пытаясь избежать дуэли, делал вид, что ему ничего не известно о романе жены. Но именно Мура толкала Толстого на физическое оскорбление мужа. Толстой писал ей: «Жить вдали мне невозможно. Брось все, заклинаю тебя, Мура! Мне тяжело одиночество! Что делаешь ты со мной? Ты меня упрекаешь, что я не сделал последней попытки на вокзале. Я не поступил согласно твоему проекту – он был при встречах так предупредителен, так корректен, что не нашлось повода. Он удалился и был со мною все время сух очень. Я не решился!»

Впрочем, в то же лето, в Ницце, Тарновские вновь встретили Павла Толстого. На этот раз, подзуживаемый своей любовницей, граф пытался публично ударить Василия Васильевича, но тот отклонил удар, и в свою очередь нанес наглецу пощечину. Секунданты – князь Кочубей со стороны Тарновского и граф Рагузинский, представлявший Толстого, – примирить стороны не смогли.

Дрались на пистолетах, потом на шпагах. Толстой ранил Тарновского в руку. По французскому дуэльному кодексу поединок был закончен. Инцидент считался исчерпанным. Дуэль запротоколировала знаменитая парижская газета «Фигаро».

План Марии Тарновской сорвался, ее муж не был убит и не попал на каторгу. Надо было предпринимать новую попытку. В Киеве существовало два взгляда на мотивы поведения Марии Тарновской. Уже входил в моду Зигмунд Фрейд, и стервозная иррациональность Марии Николаевны объяснялась людьми просвещенными научно: действие подсознательных импульсов и дурной наследственности. Но киевские кумушки Фрейда не читали и склонялись к другому объяснению поступков Тарновской. Она сознательно довела своего племянника до самоубийства, а мужа подталкивала к убийству, чтобы он загремел на каторгу. Тогда она станет единственной обладательницей все еще значительного состояния Тарновских. Мария Николаевна любила, когда ее называли «генеральшей», она любила разрабатывать планы сражений и выигрывать их.

Боржевский

Весной 1903 года Марии Тарновской был представлен молодой помещик Стефан Здиславович Боржевский, 28-ми лет. Бретер и охотник на женщин, он не обладал собственным состоянием и жил на какие-то таинственные средства (видимо, обиранием слабых на чувства дамочек) широко и разгульно и даже был выселен из родной ему Варшавы.

С людьми, которые спуску не давали, бретер был весьма корректен и даже уступчив. Но заметив малейшую слабость, садился на шею. При любом разногласии грозил «дуэлью на два шага».

Как-то Мария Тарновская спросила Михаила Семенцова, приятеля своего мужа: «А вы не боитесь Стефана Здиславовича?» На что тот ответил: «Я и настоящих босяков не боюсь, а это – просто босяк в смокинге».

Боржевский принялся преследовать супругов Тарновских: он оказывался «случайно» рядом с ними то в цирке, то в ресторане, то на скачках. Тарновский почувствовал новую опасность тотчас, он умолял жену прекратить знакомство с этим господином, и, по словам горничной, при этом рыдал. Его эмоции были, как показало будущее, вполне оправданны.

Стефан Боржевский приехал к Марии Николаевне в Янушполь немедленно, когда Василий Васильевич задержался по делам в Киеве. Вскоре Тарновский получил телеграмму «Срочно приезжай с хирургом». Муж приехал и застал у жены Боржевского, который, по словам Марии Николаевны, стрелял с ней в тире. Она вообще любила огнестрельное оружие и случайно прострелила милому Стефану руку. Хирург перевязал рану, и Боржевский скоро уехал.

Понимая, что повторяется история с Павлом Толстым, Тарновский решил от греха подальше отвезти жену за границу. Отправились в баварский Бад-Киссинген, бальнеологический курорт. И на второй день, гуляя по Кургартену, местному парку, увидели... Стефана Здиславовича. Тот с наглым видом заявил: мне врач рекомендовал лечить раненую руку в местных источниках. И продолжил свои brutальные ухаживания за Мурой; видимо там, на курорте, они и стали любовниками.

Осенью, вернувшись с Тарновскими из Германии, Боржевский практически поселился у Марии Николаевны в Янушполе. Днем он приходил во флигель, куда им подавался обед, а ночью, когда дети засыпали, отправлялся в усадебный дом, в супружескую постель. Перед приездом в имение Василий Тарновский непременно давал телеграмму с просьбой послать лошадей на железнодорожную станцию. А горничная Изотова садилась за кучера на господскую бричку и увозила Боржевского от греха подальше (за эту услугу Стефан Здиславович даже подарил ей золотые часики). В любовные игры Марии Николаевны были посвящены многие: швея Косенкова, лакеи Вовк и Захарченко.

Иногда Изотова оказывала любовникам еще одну услугу: когда Мария Николаевна отправлялась с ней в имение (всегда в купе 1-го класса), через некоторое время раздавался стук в дверь – входил Боржевский, а Изотова пересаживалась на его место в 3-м классе, предоставляя пылким любовникам время побыть вдвоем.

Осенью Мария Николаевна с детьми вернулась в Киев и под присмотром Боржевского сняла новую семейную квартиру в 4-м этаже знаменитого дома Гинцбурга. Фасад выходил на Николаевскую улицу (№ 9), черный ход – на Институтскую. Как только Василий Тарновский отправлялся в клуб, швейцар Пузынин телефонировал Стефану Здиславовичу на Подол в гостиницу «Лондон», поднимал его на лифте на 4-й этаж и сообщал, при необходимости, о приближении мужа. Тогда Боржевский уходил на Институтскую через черный ход. В кармане у него на всякий случай всегда лежал заряженный револьвер.

Беззастенчивое преследование Боржевским жены в течение нескольких месяцев в Киеве, в деревне и за границей ставило Тарновского в невыносимое положение. Тарновский плакал,

умолял прекратить знакомство с Боржевским. Отказ Марии Николаевны привел его в отчаянье и довел к концу ноября 1903-го до полного расстройства нервной системы и страданий сердца. Но Тарновская говорила своей горничной: «Настя, надоели мне эти слезы, и он надоел».

Не то чтобы Боржевский был обожаем Марией Николаевной, – у нее бывали и другие любовники: студенты, адвокаты, офицеры. Но у Тарновской имелся план дальнейшей жизни.

Драма у подъезда «Гранд Отеля»

21 ноября 1903 года супруги Тарновские были приглашены на бал к барону Владимиру Александровичу Шталю. Шталь-фон-Гольштейны происходили из рыцарей Тевтонского ордена, в этом роду были фельдмаршалы, генерал-адъютанты, послы.

Хозяин – красавец с тонкими чертами античного римлянина – по окончании университета, благодаря женитьбе на дочери профессора медицины, миллионера Виктора Субботина, стал играть в местном свете видную роль. Приятель его, граф Павел Толстой (тот самый, с которым Василий Тарновский дрался на дуэли), во время ужина в общественном саду, раскроил барону шашкой череп. Потом сам Шталь кого-то ударил по голове, дважды дрался на дуэли, трижды был секундантом – словом, огонь-парень; приятель Боржевского (который был среди гостей 21 ноября) и тоже бретер.

Поведение Марии Николаевны на балу было непристойным, она не скрывала близости с Боржевским и на мужа поглядывала с презрением. Тарновский сделал жене публичный скандал, и они оба ушли с бала.

Мария Николаевна нажаловалась на мужа любовнику. Она показала Боржевскому большой синяк на груди и сказала, что муж ее истязает, щиплет, требует порвать со Стефаном Здиславовичем. Боржевский заявил: «Я не успокоюсь, пока не избавлю тебя от тирана-мужа!»

26 ноября Тарновский получил записку от Боржевского: «Дорогой В. В., назначьте мне сегодня полчаса, и напишите только, в котором часу». Ответ гласил: «Дорогой Стефан Здиславович. Через четверть часа буду в “Гранд Отеле”».

Боржевский пригласил Тарновского в свой постоянный номер. На всякий случай в смежной комнате спрятался Владимир Шталь: он должен был стать свидетелем рокового разговора.

Боржевский прямо и нагло заявил Тарновскому: он любит Марию Николаевну, они – любовники. Он не позволит обижать ее никому. «Если не дашь жене развода – буду бить тебя, как собаку. Я, – сказал Боржевский, – не успокоюсь, пока не освобожу любимую женщину от тирана-мужа». Затем достал револьвер, сказал: «Хотел было убить тебя, а затем и себя, но раздумал», – и предложил стреляться на расстоянии двух шагов. На вопрос Тарновского, женится ли тот на Марии Николаевне, если она разведется, Боржевский ответил: «Не женюсь, я не настолько богат, у меня нет полумиллиона, а она привыкла к богатству».

Драться Тарновский не хотел и на другой день написал Боржевскому любезную записку, как будто ничего между ними и не было: «Прошу Вас зайти на один момент».

Боржевский написал: «Меня удивило, Василий Васильевич, что после нашего разговора 26 ноября Вы могли меня звать к себе, Вы не придали нашему разговору никакого значения! Прошу Вас дать мне категорический ответ немедленно: будете ли Вы драться со мной или нет».

Василий Васильевич ответил так: «Наш разговор 26 ноября – простое недоразумение! Поэтому я совершенно отказываюсь вновь разговаривать с Вами. Между нами не произошло ничего такого, что дало бы право трепать дорогое имя! Поэтому я не нахожу возможным ни драться с Вами, ни вести дальнейшие объяснения по этому поводу. Такое решение удовлетворит меня и мою семью».

Тарновский бретера смертельно боялся, а тот мириться не собирался. Ситуация была патовой, Василий Васильевич оказался близок к помешательству. За дело взялась Мария Николаевна. Убийство мужа при таких скандальных обстоятельствах было ей невыгодно, женой Боржевского она не стала бы ни при каких условиях. У Тарновского еще были деньги, пренебрегать им окончательно не следовало. И Мура придумала другую комбинацию. Обвинив мужа в трусости (что, надо сказать, соответствовало действительности), она обещала сама решить вопрос о дуэли.

4 декабря Тарновский сказал своему лечащему врачу Афанасьеву: «Ах, если бы вы знали, что со мной делают! Я с ума схожу».

5 декабря, пока муж находился в клубе, на его супружеской кровати резвились жена и Боржевский. Любовник ушел только в 3 ночи.

А 6 декабря 1903 года Тарновская объявила мужу, что готова примирить их с Боржевским, дуэли – не будет. Но это должно быть сделано публично, чтобы раз и навсегда пресечь уже ходящие по Киеву сплетни. Они должны встретиться с Боржевским в театральной ложе, а потом поужинать вместе в общей зале ресторана гостиницы «Гранд Отель».

7 декабря Тарновский был весь день в ужасном состоянии, мечтал даже уехать из Киева и всеми силами отказывался от поездки в театр и ужина с Боржевским, но жена настаивала, заявляя, что это необходимо для примирения с Боржевским.

Главной в доме всегда была Мария Николаевна и, в конце концов, супруги отправились в театр, в сопровождении компаньонки Тарновской, ее троюродной сестры Марианны Вишневецкой. По окончании спектакля, компания переехала ужинать в ресторан гостиницы «Гранд Отель».

Ужин проходил в общей зале ресторана, на глазах многочисленных посетителей. Отношения между ужинавшими внешне выглядели хорошими. Разговор шел о цыганских романах. Много пили: шампанское, ликеры, коньяк, водку.

Для Василия Тарновского ужин с женой и ее любовником был мукой мученической. Боржевский смеялся, приказывал музыкантам играть любимые романсы Марии Николаевны. Во втором часу ночи ужин, наконец, закончился, и общество оставило ресторан. Боржевский, против обыкновения, не позволил Тарновскому принять участие в плате за ужин, перед выходом из «Гранд Отеля» он продолжал о чем-то тихо говорить с его женой, целуя ей кисть руки. По дороге договорились: завтра для закрепления договора Боржевский будет в 2 часа дня завтракать у Тарновских, а потом поедет к Шталю – на охоту.

Директор гостиницы показывал на суде: пальто Марии Николаевне подавал швейцар. Впереди шли Тарновская с подругой своей, Вишневецкой, следом за ними – Тарновский и Боржевский. Боржевский несколько раз поцеловал у мадам руки. Боржевский и Тарновская много и скоро говорили по-французски. По словам свидетелей, он сказал: «Я тебя люблю, я тебя обожаю, и готов жизнь за тебя отдать». А она: «Слушай, не можешь ли потише, здесь люди. Услышат».

Так вышли они к освещенному подъезду. Был подан экипаж, и Боржевский взял под руку Тарновскую, чтобы помочь ей войти в коляску.

Когда Боржевский, выйдя провожать Марию Николаевну, у подъезда гостиницы, на глазах мужа наклонился к ее лицу и, как показалось Тарновскому, ее поцеловал, у Василия Васильевича потемнело в глазах. Он вынул пистолет, раздался выстрел, и Боржевский упал, как подкошенный, на снег. Пуля попала в заднюю часть шеи, но сонной артерии не задела.

На выстрел подоспели служащие ресторана и публика. Раненый был поднят с земли и сам, чуть поддерживаемый прислугой, поднялся в занимаемый им номер 91 гостиницы. Тарновская его сопровождала, давая понять, на чьей стороне она в этом конфликте. На ночь она осталась в «Гранд Отеле», в соседнем с Боржевским номере.

К Боржевскому тут же вызвали «Скорую помощь» и хирурга, ему сделали перевязку. Пуля засела очень глубоко, и поэтому извлечение ее было отложено до более удобного времени: рана, по заключению врачей, для жизни опасности не представляла.

А Василий Тарновский, убежденный в том, что совершил страшное преступление, сел в ближайшие извозчичьи санки и приказал ехать в полицию. Кучеру Панченко сказал: «Позови городского, я человека убил!» Пытался застрелиться, вел себя, как сумасшедший.

Явившись к киевскому полицмейстеру в 2 часа ночи, он вручил ему револьвер (в котором оставалось еще 5 пуль) и рассказал о происшествии, виновником которого являлся. Полиц-

мейстер счел известного всему Киеву господина безумным. Тарновский попросил полицмейстера, чтобы тот ему позволил отправиться к своему доброму знакомому Петру Николаевичу Семенцову. Желание преступника было без колебаний удовлетворено.

К Семенцову Тарновский приехал в таком же возбужденном состоянии, и, несмотря на все старания, его не могли успокоить до утра.

Ночная драма у гостиницы «Гранд Отель» немедленно стала достоянием киевской молвы, вызывая оживленные толки об участниках ее, людях хорошо известных в городе.

Самоубийство Шталя

Пока муж находился под домашним арестом на квартире приятеля, Мария Николаевна горя не знала. Детей она, в сопровождении Владимира Шталя, отвезла к О'Руркам в полтавское имение Отрада.

Уезжая на Полтавщину, Мура хохотала и говорила слугам: «Прощайте, мои люди. Может, мне удастся как-нибудь барина в Сибирь послать». Перспектива услать мужа на каторгу ее радовала необычайно: ей оставались и дочь, и сын; она получала полную свободу и оставшиеся у Василия Васильевича немалые деньги.

У Тарновской появился новый любовник, еще один киевский бретер, барон Владимир Александрович Шталь. Ради нее барон бросил жену, официально развелся. Шталь пригласил Марию Николаевну провести месяц в Крыму, она согласилась.

Меж тем, 1 января 1904 года Стефана Боржевского успешно прооперировали в Варшаве, и он отправился долечиваться в Ялту. Туда же выехала Тарновская в сопровождении верного Шталя, который, к слову, в нее смертельно влюбился. Встреча с Боржевским в их планы, вообще говоря, не входила.

Но он – в Ялте, и серьезно болен. 10 января у Боржевского поднялся жар, его преследовали страшные головные боли. Диагноз неутешительный – воспаление мозговых оболочек. 15-го его оперировали, но облегчение не наступило; через 4 дня он умер.

Смерть любовника не помешала Тарновской прекрасно проводить время с бароном Владимиром Шталем. Характерно ее восклицание в часовне, где находился труп Боржевского. Она обратилась к одной из своих служанок: «Скорее его похоронили бы, а то он ужасно воняет!»

Тело Боржевского предали земле, а влюбленные прекрасно провели время на русской Ривьере. У Шталя были деньги, полученные после развода, и они не стеснялись себя экономией. Впрочем, служанкам Мария Николаевна говорила, что Шталь импотент, он просто забавляет ее; будущее свое она с бароном не связывает. Вскоре они, и вправду, расстались.

В ночь на 27 января 1904 года 10 японских эсминцев внезапно атаковали русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. 28 января Япония объявила войну России. Барон, офицер запаса, в составе конной артиллерии, убыл на фронт. Вскоре барона ранили, и он возвратился в Киев.

Шталь влюблен в Тарновскую. Она цинично объяснила ему: взаимность стоит дорого. Барон готов купить ее любовь.

Шталь застраховал свою жизнь в пользу Тарновской и через два дня, 4 января 1905 года, в Киеве, в половине первого ночи застрелился на улице у анатомического театра. Владимир Александрович пустил себе пулю в рот. Перед смертью он был в мундире, при шашке с аннинским темляком. За полчаса до смерти его видели в ресторане «Версаль» на углу Фундуклеевской и Нестеровской улиц. При бароне нашлось предсмертное письмо: «Сознательно лишаю себя жизни; это мое право. В погребении не нуждаюсь, и свой труп прошу предоставить анатомическому театру. Прапорщик конной артиллерии Владимир Шталь. Письма к родным у меня в кабинете в третьем томе “Истории” Шлоссера».

Как сообщили киевские газеты, покойному было 32 года.

После его смерти Тарновская предъявила страховку и письмо Шталя: «Своим честным словом и всем, что осталось во мне незапятнанного и сильного, обещаю я, Владимир Шталь, перед Марией Николаевной Тарновской, сделать все, что она мне прикажет во время моего пребывания в Киеве. Заявляю, кроме того, что с моей стороны это не будет жертвой, и что я ничего не требую взамен.

Вырезка из киевской газеты

Я всегда буду действовать во имя той чистой любви, которая овладела всей моей жизнью».

После чудовищной гибели барона Шталя Тарновская получает 50 тысяч рублей по страховому полису, оставленному бароном. Она понимает: в Киеве ей больше не жить. Тарновская довела мужа до преступления, одного любовника до смерти, а другого до самоубийства. Но ей плевать: отныне Мария Николаевна станет профессиональной охотницей на мужчин. Скоро суд над мужем, его отправят в Сибирь, это облегчит ей развод.

Необычайное сочетание быстро возникающей страсти и мстительной жестокости называется в психиатрии синдромом Клеопатры. Египетская царица Клеопатра, как известно, предлагала своим придворным провести с ней ночь с тем условием, что наутро любовник будет казнен. Синдром Клеопатры – это ненасытная жажда подтверждать свою высокую значимость для мужчин и нежелание попасть к ним хотя бы в малейшую зависимость, быть «покоренной». Двойственное, подчиненное положение женщин в обществе вызывало и вызывает у многих из них чувство затаенного недоброжелательства к лицам противоположного пола.

Суд в Гомеле

Дело по требованию министра юстиции, в силу возможности сторонних влияний, из Киева перенесли в Могилевский городской суд. Судебная сессия началась в Гомеле.

Город был заполнен судебными репортерами всех ведущих российских и мировых газет. Одновременно с делом Василия Тарновского шел процесс о знаменитом Гомельском погроме осени 1903 года, когда впервые на защиту единоверцев выступили вооруженные отряды еврейской самообороны. Процесс начался в октябре 1904 года и закончился только в январе 1905-го.

22 января 1905 года начался суд над Василием Тарновским. Защищали его Сергей Андреевский и киевский присяжный поверенный В. Э. Неметти. Даже если бы не Гомельский погром и не привлекательная для прессы история убийства мужем любовника в присутствии жены-изменницы, участие в процессе самого Сергея Андреевского уже производило фурор.

Суд присяжных, появившийся в России в середине XIX века, был невероятно популярен. Судебные отчеты воспринимались тогда, как сейчас ток-шоу, спортивные репортажи и детективные сериалы. Адвокаты в то время были знамениты, как сейчас телеведущие. Их речи заменяли и сценическое действие, и проповедь, и психотерапию. Имена подсудимых становились нарицательными. Имена свидетелей, судей, прокуроров и адвокатов мгновенно становились известны всей читающей России. Судебные залы забивались любопытными, судебными репортерами и художниками. Уже на следующий день все желающие могли ознакомиться с результатами последнего заседания.

Сергей Аркадьевич Андреевский, изгнанный из прокуратуры за отказ выступить обвинителем на скандальном процессе, быстро вошел в ведущую пятерку русских адвокатов. Его речи по делам об убийствах Сарры Беккер и Андреевой читались, как бестселлеры. Он не ограничивался юриспруденцией – переводил Бодлера и Эдгара По, писал стихи и критические статьи. И в дополнение всего, он был хорош собой: высокая, стройная фигура с обрамленной седыми волосами головой казалась воплощением благородного изящества.

Прежде о Тарновских знали в Киеве, теперь, благодаря газетам, их известность стала всероссийской. Самой Марии Николаевны на суде не было, в ее защиту выступала только ее спутница в злосчастный вечер убийства Боржевского, троюродная сестра – Марианна Вишневецкая.

Все же остальные свидетели, по существу, оправдывали Василия Васильевича. Показаниями самого обвиняемого, его сестры Софьи Глинки, тетки Александры Корбут, знакомых Василия Цымбалистова, Петра Семенцова и врачей вырисовывалась личность Васюка. Человек добрый, бесхарактерный, расстроивший нервы гулянкой и алкоголем. Плохая наследственность: вспыльчивый и строгий отец, брат – самоубийца. Не герой, но уж никак и не злодей.

С другой стороны, убитый и виновница преступления выглядели мерзко. Свидетели наперебой рассказывали об их наглости, на глазах прислуги, романе, о том, как они не только не стеснялись Василия Тарновского – просто издевались над ним. Казалось, у Тарновского был выход – развод, хотя ему бы пришлось пройти через унижения и судебные дразги. Но развод не мог состояться из-за детей. Тарновский, страстно желая развестись, не хотел лишать детей матери. А суд в России в этом случае всегда оставался на стороне мужчины, и оставлял детей за ним. То есть именно Тарновский в деле о разводе проявлял благородство.

Как сказал Сергей Андреевский, обращаясь к присяжным, «видимый закон – против Тарновского, потому что он выстрелил в человека. Но тот внутренний закон жизни, который чувствуется нашей совестью, ясно говорит нам, что из трех участников этой драмы Тарновский несравненно лучше двух остальных, то есть своей жены и ее любовника».

О Марии Тарновской адвокат говорил так: «Эта женщина вообще к душевной любви не способна. Вы знаете, скольких мужчин, страдающих от обожания к ней, она легко переменила

и безмятежно забыла. Она любила театры, ужины, туалеты, заграничные поездки, блестящую жизнь и поклонение красивых мужчин. Цветущая, здоровая, избалованная, она была уверена, что все ее прихоти естественны и законны».

Василия Тарновского оправдали.

С Прилуковым

С 1904 года Тарновские окончательно разъехались. До бракоразводного процесса решено было разделить детей: сын Вася мог до 10 лет оставаться с Марией Николаевной, дочь Тата жила с отцом. В Киев переехала сестра Василия Васильевича Софья Глинка – тетка девочки, которая фактически заменила ей мать. Несколько раз бабушка Таты Екатерина Петровна О'Рурк пыталась выкрасть свою внучку, и каждый раз Василий Васильевич отбивал ее от похитителей.

Вскоре деньги барона Шталя закончились. Но Мария Николаевна не нуждалась: ее обожали родители, и она всегда могла поселиться в родовом имении Отрада. Василий Васильевич выплачивал содержание на воспитание сына. Но Тарновская – словами Пушкина, «беззаконная комета в кругу расчисленном светил», – и ее неостановимо тянуло к развлечениям, мужчинам. Да и жизнь в имении ее не привлекала.

Двор, большой свет, гвардия начала XX века находились в Петербурге. Но столичные аристократы – высокомерны и подозрительны. Полуразведенная героиня шумного уголовного процесса никогда не войдет в их круг. Ну, и не надо.

Настоящие деньги, неподдельное веселье и истинное гостеприимство царили в Москве. Первопрестольная соединяла шарм старинных дворянских родов и энергию купечества. И Мария Николаевна оказалась там. Ей надо было, наконец, развестись с мужем.

В круг многочисленных светских знакомых Марии Николаевны входил Донат Дмитриевич Прилуков, 37-ми лет. Дворянин Серпуховского уезда, выпускник юридического факультета Московского университета. Присяжный поверенный, специалист по коммерческим и гражданским делам. С 1904 года – владелец собственной юридической конторы. Женат; супруга (в девичестве Конкевич) – дочь капитана 2-го ранга, известного флотского деятеля и писателя. Милая, серьезная, любящая женщина; трое детей. Прилуков – примерный муж и отец.

Тарновская познакомилась с супругами Прилуковыми еще в 1900 году в Москве, когда она приезжала в Первопрестольную с мужем. У Василия Васильевича и Прилукова оказались общие приятели, и они покучивали вместе в «Яре». С тех пор Тарновские и Прилуков не раз встречались и переписывались.

Прилуков – человек разумный, просвещенный, известный специалист в коммерческом праве и, одновременно, знаток судебной медицины. Он работал в своей конторе по 12–16 часов в сутки. У него огромная библиотека на нескольких языках, он в курсе последних открытий в естественных науках. Словом, не адвокат, а мудрец.

В 1905 году, когда началось следствие по делу Василия Тарновского, Мария обратилась к Донату Дмитриевичу за советом: не стоит ли ей нанять гражданского истца, который отстаивал бы ее интересы на процессе в Гомеле. Прилуков посчитал, что ввязываться в это дело не следует.

Между тем Тарновская зачастила в Москву, то сопровождаемая знаменитым киевским архитектором графом Игнатием Ледоховским, то в одиночестве, то с сыном Василием, горничной Элизой Перье и репетитором Золотаревым. Мария Николаевна стала частой гостьей семейства Прилуковых. Ее Вася и дети московского адвоката вместе гуляли и играли.

Тарновская попросила Доната Дмитриевича представлять ее на бракоразводном процессе. Прилуков согласился взять на себя хлопоты. Поначалу отношения между ними были деловыми и приятельскими. Прилуков – человек серьезный, обстоятельный; он даже не думал о связи с «соломенной вдовой».

В Киеве, по словам Марии Николаевны, жить ей было решительно невозможно. Ее бойкотировало тамошнее женское общество. Предлагавшие помощь знакомые киевские юристы

делали двусмысленные предложения. Видеться с дочерью не позволяли. Положение ее стало невозможным. Прилукову льстило, что Тарновская сделала его своим конфиденнтом, рассказывала о несчастьях и одиночестве, просила советов. Ему было жалко Марию Николаевну. К тому же Прилукову казалась, что она им увлечена.

В 1906 году на Рождество Прилуков получил письмо из Киева от Тарновской не на домашний адрес, а в контору. В нем она неожиданно признавалась адвокату в любви. Вскоре Мария Николаевна снова приехала в Москву. Прилуков при встрече сделал вид, что письма как бы и не существует. Но Тарновская пригласила его в гостиничный номер, и отдалась, почти изнасиловала. Впрочем, противиться даме у Прилукова не было ни смелости, ни желания.

Невероятный успех Тарновской у мужчин, несомненно, был связан с тогдашним викторианским отношением к сексу. Жены, и вообще замужние «дамы общества» – существа воздушные, как бы бесполое. Между браком и эротикой не было никакой связи. Об этом много писал поздний Толстой («Анна Каренина», «Крейцера соната», «Дьявол», «Воскресение»). Мужья спали с женами не для удовольствия, а чтобы произвести потомство (заметим, что надежных способов предохранения от беременности тогда не знали).

Для разврата существовали проститутки. Вероятно, Донат Прилуков, как и другие студенты Московского университета, посещал один из вертепов Соболева переулка. Но проститутка не считалась человеком вполне. Ее можно было жалеть, но не любить. Ее невозможно было пригласить в гости или в приличный ресторан. Она, как правило, – прагматична, необразованна, вульгарна. Любовь к проститутке, воспетая в «Что делать?» и в «Воскресении», на деле заканчивалась, как правило, трагически.

Мария Тарновская – графиня, дама света, в чьих жилах текла кровь Марии Стюарт – тип в тогдашней России невиданный: развратная, сама выбирающая мужчину, не склонная к лирике. Она ошеломляла.

Неизвестно, какие еще чары пустила в ход русская Цирцея, но однажды вечером Прилуков пришел домой и сообщил жене, что сошелся с Тарновской, любит ее, но по-прежнему считает необходимым заботиться и о законной супруге, и о детях. «Между нами, – сказал он жене, – не должно быть лжи».

Какое-то время Прилуков жил на два дома. Для любовницы он снял особняк Чижиковой на Садовой-Кудринской. О славе своей возлюбленной Донат Дмитриевич знал, и поначалу держал ее в черном теле, оставляя себе пути к отступлению. Расходы они делили напополам: половина – Прилукова, половина – Тарновской.

Она не могла выйти из дома одна, даже с маленьким Васей Донат гулял в Сокольниках без Марии Николаевны, в присутствии одной лишь гувернантки. Тарновская занимала квартиру в бельэтаже. Прилуков жил на этаж выше и принимал там клиентов. Телефонировать Тарновской могли только через Доната Дмитриевича.

Но Марии Николаевне этого было мало. Она настаивала, чтобы любовник окончательно бросил семью и жил только с ней. Пыталась отравиться кокаином. Предлагала адвокату уйти из жизни вместе. И чары ее действовали. Прилуков понимал: страсть к Тарновской – неизлечима, хотя и ведет, несомненно, в пропасть. Чтобы избавиться от наваждения, он посещал психиатров и даже гипнотизеров, совершал паломничества в церкви и монастыри, горячо молился, но все было тщетно. Как ни крепился московский адвокат, в конце концов его, как и всех мужчин Тарновской, что называется, понесло. Он стал ее рабом, а она наслаждалась, унижая любовника. Как-то на глазах у всей светской Москвы Прилуков, по ее приказу, прыгнул из театральной ложи на сцену прямо во время спектакля.

Тарновская, с ее любовью к нарядам, ресторанам, украшениям и Ницце, стоила Прилукову в среднем 4 тысячи рублей в месяц. По нашему, примерно 40 тысяч долларов. Жалование губернатора в то время (со всем «социальным пакетом») – примерно 12 тысяч рублей в месяц.

При этом Мария Николаевна поставила Прилукова перед выбором: или они вместе уезжают за границу, или расстанутся. А он без нее уже никак не мог.

Ежемесячный доход не восполнял расходы. Семейные накопления давно ушли на сладкую жизнь. Прилуков постепенно начал залезать в клиентские деньги. Для того чтобы обосноваться в Европе, сумма нужна была нешуточная – 100 тысяч рублей. Донат Дмитриевич застраховал жизнь в пользу жены и в ноябре 1906 года, похитив 80 тысяч, доверенных ему клиентами, бежал с Марией в Алжир.

Коллеги Прилукова терялись в догадках. Успешный юрист с безукоризненной репутацией, прекрасный семьянин совершил поступок, которого от него никак не ожидали, и который можно объяснить только внезапным безумием.

Влюбив в себя Прилукова, Тарновская за год превратила преуспевающего, уверенного в себе адвоката в рабски преданного ей преступника, скрывающегося от должников и семьи и вынужденного повсюду сопровождать свою любовницу.

Они путешествовали вчетвером: Прилуков, Мария Николаевна, сын и Элиза Перье – гувернантка и горничная. Зимой 1906–1907 годов провели в Африке, Марселе и Ницце, а весной перебрались сначала в швейцарский Невшатель, а затем принялись странствовать по Германии. Мария обожала роскошь и купеческий размах – они останавливались в самом роскошном отеле Ниццы – «Негреско», ужинали в «Лондон Хаус», который имел репутацию самого дорогого ресторана в мире.

Деньги у Доната Прилукова закончились. Тарновская предлагала ему или застраховать жизнь на ее имя и застрелиться, или уехать в Россию (деньги на билет до Москвы обещала ссудить). Его уговаривала уйти из жизни и преданная госпоже Элиза Перье: «Если вас не станет, госпожа будет всегда вспоминать вас с теплотой». Впереди его ждал выбор: нищенство за границей или тюрьма на родине.

Донат Дмитриевич понимал: он дошел до края. Страсть к Тарновской его не отпускала. Но надо было как-то выкарабкаться. Мария Николаевна была обречена на зависимость от мужчин, она хотела получать и не очень любила давать. Такой талант нуждался в своего рода антрепренере. Но пока нужно было как-то удержаться на плаву.

Донат Дмитриевич клятвенно обещал графине застраховать жизнь на ее имя и затем покончить самоубийством, как это сделал барон Шталь. Только для получения полиса на имя Тарновской нужны были кое-какие дополнительные хлопоты, ведь адвокат спасался от московских должников, жил по поддельному немецкому паспорту и не мог появиться в России. Тарновская решила ссудить Прилукова деньгами и какое-то время держать при себе, как слугу и секретаря. Мужчина, да еще адвокат, в путешествиях не помешает.

Графиня решительно не могла сидеть на месте и из Германии отправилась в Венецию.

Туризм в XVII веке придумали англичане. Финальным аккордом в воспитании молодого джентльмена, выпускника Оксфорда, считалось путешествие во Францию и Италию. Именно английские путешественники сделали Венецию модной. К началу XX века – Венеция любима и интеллектуалами, и богатыми бездельниками всей Европы. Для незнающих, куда девать свои деньги и время светских людей, к югу от Венеции открыли курорт Лидо с пляжами, ресторанами, казино и роскошными отелями.

В Лидо Тарновская и ее свита заняли несколько гостиничных номеров в только что открытом дорогом отеле «Эксельсиор»: для Марии Николаевны, ее приживала Доната Дмитриевича и Элизы Перье с маленьким Васей Тарновским.

Совершая променад, Тарновская неожиданно встретила своих старинных приятелей по Ницце – графа и графиню Комаровских.

Падение Комаровского

Дворянский род Комаровских имеет польские корни и в России известен с XVII века.

Евграф Федотович Комаровский, прадед нашего героя, родился в 1769 году и первый из родственного клана сделал настоящую карьеру. Являлся секретарем всемогущественного Александра Безбородко, крупнейшего государственного деятеля екатерининского и павловского царствований. Адьютантом великого князя Константина Павловича прошел Итальянский и Швейцарский походы. Ведал снабжением армии лошадьми в 1812 году. Руководил первыми внутренними войсками России – Отдельным корпусом внутренней стражи. Граф (грамотой австрийского императора Франца II от 1803 года), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор, георгиевский кавалер, переводчик и мемуарист, он основал родовое гнездо Комаровских – имение Городище в Орловской губернии (в 35 верстах от Орла в сторону Карачева, – ныне Урицкий район Орловской области). Там он и жил благополучно, выйдя в отставку в 1829 году, с женой, урожденной Елизаветой Егоровной Цуриковой.

Городище – образцовое имение с пейзажным и регулярным парками, разбитыми императорским архитектором Адамом Менеласом, с разнообразными затеями, включая крепостной театр.

Сын Евграфа Федотовича – Павел Евграфович-старший (начиная с него, в роду Комаровских Евграфы сменяют Павлов, а Павлы – Евграфов) учился одновременно с Михаилом Лермонтовым в школе гвардейских подпрапорщиков, откуда вышел в 1832 году в лейб-гвардии Измайловский полк. Добрый, сердечный человек, писал романсы, самый известный – «Дайте крылья мне перелетные». Женат на Марии Павловне Галаган. Он всецело подчинялся своей властной и болезненной жене, владелице знаменитых Сокиринцев в Прилуцком уезде на Полтавщине. Умер гвардии штабс-капитаном в отставке, в своем имении, в 1873 году.

Их сын Евграф Павлович Комаровский-младший (родился в 1841 году) женат был на Элеоноре Ивановне Орловой. И вот их сыном и был наш герой – Павел Евграфович Комаровский – очередная жертва Марии Тарновской.

Он родился в 1869 году, нигде не служил и занимался благородными дворянскими делами: был организатором съезда Российских пожарных, проходившего в Орле в августе 1899 года; первым президентом Международного комитета по предотвращению и тушению пожаров с 1900 по 1903 годы. Любитель искусств. Жертвователь в Орловский губернский музей (коллекции древнерусских крестов и образов, серебряные монеты, древние рукописи). Член Орловской губернской ученой архивной комиссии, действительный член Орловского общества любителей изящных искусств, председатель выставочного комитета первой художественной выставки в Орле в 1896 году. Член Губернского комитета попечительства о тюрьмах. В Городище Павлом Комаровским была собрана большая библиотека из книг конца XVIII века – свыше 10 тысяч томов, включавшая книги по истории, музыке, естественным наукам на нескольких языках.

6 июня 1894 года в Орле открылась Тургеневская читальня. Существовала она на средства, пожертвованные частными лицами и ассигнования городской думы. Открытие сопровождалось концертом знаменитого трио виолончелисток сестер Редер. Дочери известного московского дантиста Марка Редера, державшего свой модный стоматологический кабинет на Петровке, они славились по всей музыкальной России. Их пригласило в Орел местное музыкальное общество и его председатель граф Павел Комаровский.

Одна из них – Эмилия – поразила воображение Комаровского, и, несмотря на то, что она принадлежала к иудейской вере, граф тут же после концерта сделал ей предложение. Семейство Редер было категорически против, они предпочитали видеть зятем единоверца. Но Павел Евграфович перешел от штурма к осаде, целый год, где бы ни выступало трио Редер, в зале

присутствовал граф, а на сцену выносили от него изысканнейшую корзину цветов. Эмилия Марковна готова была принять православие и стать графиней Комаровской, но отец-дантист уперся.

В конце концов, к Марку Редеру на Петровку пожаловал приятель Комаровского – граф Луи Наполеон. Потомок Бонапарта, полковник русской службы, командир 44-го драгунского полка, владелец замка Пранжен в Швейцарии, произвел такое впечатление на Редеров, что они согласились, хотя и без восторга, отдать Эмилию за Павла Евграфовича.

Брак состоялся в церкви русского посольства в Вене. Из ближайших родственников присутствовала только мать новобрачного – графиня Элеонора Ивановна Комаровская. Редеры церемонию бойкотировали, отсиживались в Будапеште. В 1898 году у Павла и Эмилии Комаровских родился сын, которого по семейной традиции назвали Евграфом.

Элеонора Ивановна обожала сына, но не приглянулась невестке. Эмилия отличалась свободным нравом и не любила подчиняться, не желала жить под присмотром свекрови, и та вынуждена была покинуть родовое имение Городище.

Комаровские жили в усадьбе либо отправлялись в заграничные путешествия. В Ницце они встретились с супругами Тарновскими. Поговаривали, что еще тогда, на Лазурном берегу, между Комаровскими и Тарновской завязались особые отношения, которые французы называют «ménage à trois». Классический пример: Владимир Маяковский – Лиля Брик – Осип Брик. Но Маяковским в этом случае стала Мария Тарновская – бисексуалка, она испытывала чувственные восторги и с Эмилией, и с Павлом Комаровским. Граф любил Марию Николаевну за «эксцентричность и удалство». Ничего серьезного, – не слишком обычный курортный роман.

Комаровские после Ниццы несколько лет не виделись с Марией Николаевной. В 1904 году Павел Евграфович добровольцем пошел на войну с японцами. И сражался там в качестве хорунжего (чин соответствует подпоручику) Уральского казачьего войска.

26 мая 1904 года под Сюяном на Фынхуанченской дороге сотня уральских казаков столкнулась с 10-й дивизией японцев. Силы были неравны. Потеряв одного человека убитым и семнадцать ранеными, уральцы отступили. Начальник отряда свидетельствовал о мужестве в бою офицеров и нижних чинов, называя среди наиболее отличившихся Комаровского. За этот бой Павел Евграфович был награжден орденом Святого Станислава, а в 1905-м – светло-бронзовой медалью «В память русско-японской войны». Медсестрой на войну отправилась и Эмилия Марковна Комаровская-Редер.

Именно там, в Манчжурии, она подцепила какую-то странную болезнь, от которой слабела прямо на глазах (сейчас болезнь эту называют геморрагической лихорадкой с почечным синдромом). Надежды, по словам врачей, не было. Благородный граф поселился со страдающей от неизвестной болезни супругой на острове Лидо в самом комфортабельном отеле мира «Эксельсиор». Здесь Эмилия пользовалась солнечными и воздушными ваннами, лечебными грязями.

Тарновская прогуливалась с Прилуковым по самому длинному в Европе променаду, и вдруг увидела печальную пару: Павел и Эмилия Комаровские. Павел толкал впереди себя инвалидную коляску, на которой сидела жена. Боже, как обрадовалась и одновременно опечалилась Мария Николаевна. «Что с вами Эмилия?! Я уверена, мы еще будем пить шампанское вместе! Граф, я не видела вас после войны, вы, говорят, настоящий герой!» Тарновская представила Прилукова как своего адвоката, с которым случайно встретилась в поезде. Разговор стал общим. Выяснили, что и у Тарновской, и у Комаровской в Лидо дети сверстники – Вася Тарновский и Евграф Комаровский.

Договорились вместе поужинать, познакомить детей, и расстались на время. Но вечером в холле «Эксельсиора» оказались только Мария Николаевна и Павел Евграфович. Графиня Комаровская чувствовала себя плохо, заснула, с ней осталась сиделка. Сын занимался с гувер-

нанткой-англичанкой. Но граф именно и хотел провести вечер вдвоем со старинной приятельницей, чтобы хоть как-то отвлечься от своих несчастий.

Сервировали на террасе. Закат был прекрасен, пища изысканна, шампанское такое, каким ему следует быть. Языки развязались. Они делились своими несчастьями: он говорил о долгой и, видимо, безнадежной болезни супруги, о том, как она рассорила его с матерью и сестрами. Ему еще нет сорока, а жизнь как будто не начиналась. Мария Николаевна рассказывала о судебном процессе, о том, как она, порядочная женщина, старалась помирить мужа и случайного поклонника, а все закончилось убийством, судом и позором. Положение ее неопределенно, процесс о разводе затягивается. А главное, рядом нет мужчины, которому она могла бы довериться. Мужчины-рыцаря. Такого, как сам Комаровский, если бы он был свободен.

Разговор, видимо, взволновал Павла Евграфовича. Он признался, что много раз вспоминал их совместные с Эмилией эскапады в Ницце. Мария Николаевна нравится ему давно и искренне, но пытаться ухаживать за ней сейчас, при страдающей жене было бы бестактно. Конечно, такое предположение кощунственно, но если бы он стал вдовцом – мог ли бы он рассчитывать на взаимность?

Павел Евграфович Комаровский

Мария Николаевна взяла графа под руку, а вышколенная прислуга отеля немедленно передала им ключ от номера, в алькове которого Тарновская продемонстрировала Комаровскому все свои умения и артистизм. С этой минуты судьба Павла Евграфовича была решена. Через два часа он вернулся к законной супруге, а Мария Николаевна вышла на вечернюю прогулку с Прилуковым.

Задуманный двойной удар

Тарновской нечего было скрывать от адвоката, который являлся отыгранной картой. Донат ознакомился с новой ситуацией в жизни своей хозяйки: увлеченный ею богатый, глупый, непривлекательный Комаровский, его супруга, которая может умереть завтра, а может протянуть годы, единственный сын. Как извлечь из этого выгоду?

Сложность, многогранность прилуковского анализа, чисто адвокатское внимание к деталям поразили Марию Николаевну. И она подарила Прилукову в его номере, что называется, аванс, тем более что любовником Комаровский оказался никудышным.

В те годы публика зачитывалась материалами сенсационных уголовных процессов и вошедшими в моду детективами. В них преступники устраняли свои жертвы самыми причудливыми способами, используя новейшие научные достижения. Бульварные романы становились своеобразными учебниками для начинающих убийц. Шерлок Холмс и доктор Ватсон стали героями времени.

В начале XX века первые шаги сделала научная криминалистика. Прилуков по своей адвокатской практике знает: самый эффективный метод убийства – отравление.

Правда, с 1840 года, после того как французский суд на основании экспертизы химика Орфила приговорил к пожизненному заключению Марию Лафарг, отравившую мужа мышьяком, преступникам следовало быть осторожнее.

В 1851 году бельгийский химик Жан Серве Стас сумел вывести на чистую воду графа и графиню Бокармэ, отправивших на тот свет Гюстава Фуньи (брата графини) посредством экстракта никотина.

В 1864 году парижский суд приговорил к гильотинированию доктора Де Ла Поммерэ, отравившего свою любовницу мадам Де Пов экстрактом из листьев красной наперстянки. Предварительно он уговорил мадам застраховать свою жизнь на 550 тысяч франков в его пользу. Но парижский профессор Амбруаз Тардье вывел мерзавца на чистую воду.

Нью-йоркского врача, тридцатилетнего Роберта Буханана, в 1892 году обвинили в убийстве своей жены Анни, женщины 60 лет, бывшей содержательнице публичного дома. Был поставлен диагноз «кровоизлияние в мозг». Такие кровоизлияния часто вызывали симптомы, похожие на отравление морфием. Коронеру Шульце и обвинителю Френсису Уэллмэну удалось представить суду неопровержимые доказательства того, что Буханан выписал своей жене рецепт на шесть капсул, каждая из которых должна была содержать 4,16 грана хинина, 0,16 грана морфия. Потом он закапал Анни атропин, чтобы не было видно сужения зрачков – важнейшего признака отравления морфием. 2 июля 1895 года Буханан закончил свою жизнь на электрическом стуле.

Донат Дмитриевич предложил довольно рискованную, но, при удаче, обещающую крупный куш операцию. Манчжурская лихорадка, которой болела г-жа Комаровская, – болезнь, несомненно, смертельная, но плохо изученная. При определенной помощи (а Прилуков всегда интересовался фармакологией) смерть Эмилии Марковны можно было бы ускорить, не вызвав особых подозрений. Затем следовало навязать Комаровскому полное ощущение будущей семейной жизни, но потребовать обеспечить Тарновскую еще до официального бракосочетания. Ведь она пока не разведена, и открытая связь с Комаровским может осложнить судебный процесс.

Прилуков вечерним поездом выехал в Вену, где с этого момента находилась штаб-организация будущих преступников. Следовало закупить яды, перечитать новейшие исследования по судебной медицине и фармакологии. Прodelать некоторые эксперименты.

Тарновская, оставаясь нежным другом Павла Комаровского и заботливой подругой его неужной супруги Эмилии, стала любовницей для мужа и сестрой милосердия для его жены.

Тарновская умела делать инъекции, так как еще со времен жизни с Василием злоупотребляла морфием. И Павел Евграфович, и лечившие Эмилию Комаровскую доктора, и сама больная полностью доверяли Марии Николаевне. Состояние страждущей не улучшалось, ее мучили страшные боли, и венецианские врачи посоветовали Комаровским отправиться в Дрезден, где клиника Святого Иосифа Штифта специализировалась на лечении тропических болезней.

С отъездом из Венеции больная стала чувствовать себя много хуже, и не успел ее осмотреть дрезденский врач, как ему пришлось констатировать смерть больной. В причинах разбираться не стали: муж был резко против вскрытия. Уже потом, когда Тарновскую арестовали, родственники Эмилии Редер заподозрили неладное и потребовали эксгумации тела. Но итальянская юстиция, ведшая дело Тарновской, не была заинтересована в затягивании следствия. И поэтому предположение, высказываемое многими о том, что непосредственной причиной смерти Эмилии стал яд, введенный Тарновской вместо лекарства, так и не было расследовано.

После смерти Эмилии Мария Николаевна повела себя, как хозяйка: слуги Комаровского и, прежде всего, английская гувернантка маленького Евграфа, смотревшая на Тарновскую с подозрением, немедленно были уволены. Гувернанткой Евграфа и сына Тарновской Васи стала верная Марии Николаевне камеристка Перье. Васю отправили к дедушке с бабушкой в Отраду, Евграфа определили в кадетский корпус.

На похороны Эмилии Редер собирались приехать ее многочисленные родственники, поэтому захоронение отложили на два месяца, а тело решили бальзамировать.

В марте 1907 года Комаровский с Тарновской, Перье и Евграфом, не дожидаясь похорон, отправились в Россию. Граф, на следующий день после смерти жены, сделал Марии Николаевне официальное предложение. Тарновская обещала связать свою судьбу с ним сразу после развода с Василием Васильевичем.

Те же и Наумов

Перье с Евграфом сразу отправились в имение Комаровских Городище. А граф с Марией Николаевной вначале заехали в Петербург, посоветоваться с тамошними адвокатами. Комаровский жаждал видеть любимую женщину свободной от брачных уз. Остановились в шикарной гостинице «Дагмар» на Большой Садовой недалеко от Невского. Поговорили с адвокатами, сходили в Михайловский театр, ужинали в «Контане» и «Кюба». Выяснилось: бракоразводный процесс затянется минимум на год. Однако богатства Комаровского завораживали, и Тарновская пошла на важный компромисс с бывшим мужем, она согласилась признать себя виновной в прелюбодеянии и отказаться от прав на обоих детей.

А для того чтобы граф Комаровский не передумал искать ее руки, Мария Николаевна искусно разожгла его ревность: она утверждала, что ею серьезно увлечен князь Петр Трубецкой (с которым на самом деле была лишь шапочно знакома). Князь-де даже готов развестись с женой ради нее. Прилуков послал Тарновской в Россию письма от имени мнимого поклонника. Тогда, чтобы доказать серьезность своих намерений, Павел Комаровский обручился с Марией Николаевной и повез ее в Орел официально представить родным.

Орел – небольшой губернский город. Дворяне проводили время в клубе за карточным столом, а их жены сплетничали. Главные события того времени – арест конокрада и приезд цирка. Когда из московского курьерского поезда на перрон станции вышел главный местный аристократ и богач граф Комаровский об руку с Марией Николаевной Тарновской – это вызвало сенсацию.

В городе было мало людей круга Комаровского, разве что Николай Наумов – его младший приятель, в некотором смысле ученик. Потомственный дворянин, сын пермского губернатора, выпускник Московского лицея в память Цесаревича Николая, вольноопределяющийся лейб-гвардии Семеновского полка, чиновник особых поручений при орловском губернаторе. Он из старой дворянской семьи, его двоюродный дед – Иван Тургенев. Это элегантный молодой человек 24-х лет. Он пьет абсент, переводит Бодлера, словом, декадент.

Фридрих Ницше провозгласил: «Бог умер». Декаденты считали себя людьми вне христианской морали. Наука конца XIX века доказывала: человек – социальное животное, движимое подсознательными импульсами. Тарновская – порождение декадентства. Ее любимый десерт состоял из клубники в эфире, она колола себе морфин позолоченным шприцем и пила одуряющий абсент – спирт, настоенный на полыни.

Наумов был странным малым. Многие объясняли его «инакость» происшествием на Волге: как-то, купаясь, он поднырнул под лодку и получил веслом по голове. С тех пор стал странным: страстно верил спиритам, легко подвергался гипнозу, однажды бежал за экипажем некой дамы, как собачка (так приказал медиум). Из-за явной ненормальности был освобожден от воинской повинности.

В Орле все всех знали, а Комаровский считался губернным «львом». Человек крайне правых убеждений, член «Союза русского народа», он однажды публично избил местного либерала, редактора «Орловского вестника» Аристова (кстати, орловский архиерей Серафим за это графа благословил). Наумов, тоже монархист, писал в черносотенной газете «Орловская речь» абсолютно бескорыстно – только из убеждений. Комаровский и Наумов – приятели, и граф, конечно, представил молодому человеку свою невесту.

Николай Наумов влюбился в нее немедленно и страстно. Он даже написал поэму в честь графини, где клялся быть ей верным до гроба.

Представив Марию Николаевну родственникам, Комаровский отправился в Венецию, чтобы купить там палаццо, где собирался поселить любимую. Она же задержалась в Орле в

доме Комаровских на Карачевской улице. Ей предстояло устроить будущего пасынка Евграфа в местный кадетский корпус.

В конце XIX века вышли романы австрийского писателя Леопольда фон Захер-Мазоха. Все его произведения, в том числе и знаменитая «Венера в мехах», описывают страстную влюбленность слабых, романтических юношей во властных и жестоких женщин. Во времена декадентства такая страсть, сопряженная с подчинением и унижением, входит в моду, ее называют мазохизмом. Наумов – типичный мазохист.

Зря графиня времени не теряла. Вскоре Наумов стал очередным и самым преданным сексуальным рабом госпожи Тарновской.

Она, по его просьбе, ежедневно проделывала над ним разнообразные эксперименты: тушила папиросы об его кожу, заставила наколоть свои инициалы в качестве татуировки, стегала плетью, ездила на нем, как на лошади. А Наумова это приводило в восторг.

Между тем Тарновская осмотрелась в Орле, побывала в имении Городище и мысль о браке с Комаровским стала казаться ей не такой уж привлекательной. Имение выглядело запущенным и было, как выяснила Мария Николаевна, обременено долгами. И граф вовсе не был так баснословно богат, как ей казалось. Никакой приязни к нему она не испытывала и начала понимать, что ввязалась в дурацкую историю.

Между тем переписка с Прилуковым, оставшимся в Вене, не прерывалась. Донат разработал хитроумный план, который помогал устранить соперников и обогатить Марию Николаевну. Оставив влюбленного Наумова в Орле, Мария Николаевна с верной Перье отправилась в Венецию. Прилуков последовал за ней из Вены. Они обговорили подробности и начали действовать. Необходимо было обобрать Комаровского, а затем убить его так, чтобы не вызвать подозрений.

Донат предложил два способа покончить с Комаровским: пронзить его отравленным кинжалом где-нибудь на узкой венецианской улице или подсунуть папиросу со стрихнином – настойкой чилибухи. Этот яд трудно подмешать к еде – у него сильный горький запах, его присутствие в пище скрыть практически невозможно. Разве что в кофе... Но граф предпочитал английский черный чай. А вот если незаметно подмешать в табак – смерть со страшными конвульсиями и спазмами – неизбежна. Проверено на крысах.

Прилуков остановился в окраинном районе Венеции Канареджо и наблюдал за происходящим как бы со стороны.

А вот Павел Комаровский купил палаццо Маурогонато для своей любимой в двух шагах от собора Святого Марка – на площади Санта-Мария. Окна – на знаменитую барочную церковь Санта-Мария дель Джильо. Но Тарновская, посоветовавшись с Донатом Дмитриевичем, держалась с графом холодно.

Мария Николаевна объяснила графу Комаровскому: бракоразводный процесс затягивается. Положение ее двусмысленно. Она всерьез подумывает о том, чтобы принять предложение князя Трубецкого. В случае если с графом Комаровским что-нибудь случится, она останется одна без детей, без родины. Они даже посетили вместе российское консульство, где им официально объяснили: никакой надежды заключить брак на Апеннинах для неразведенной в России женщины – нет.

В конце концов, 16 июля 1907 года Павел Евграфович снял со своего счета и отдал Тарновской 80 тысяч рублей; кроме того, он обещал составить страховой полис на ее имя на 50 тысяч франков и завещать все движимое и недвижимое имущество.

Тарновская с Прилуковым отправляются кутить в Вену, туда летит письмо от графа.

«Моя дорогая Мария!

Вчера, когда я расстался с тобой, я все обдумывал. Как бы лучше устроить дела, согласно твоему желанию, которое для меня священно. Не думай, что только один Трубецкой тебе предан и готов пожертвовать для тебя своей жизнью. Комаровский все для тебя готов забыть.

Верь ему, как он тебе верит. Что касается страховки – будет все сделано, как ты потребуешь. Если сегодня не приедет инспектор страхового общества “Мутуал Лиекс”, тогда мы обратимся в общество “Нью-Йорк”. Единственная причина, почему я прошу тебя подождать – это для твоей же пользы, так как ты получишь больше денег. Дорогая моя, верь, что я все сделаю для тебя. Люби меня хоть немножко, тогда ты получишь все, о чем ты мечтаешь.

Твой Комаруля.

PS. Прежде, чем ты уедешь в Россию, все будет исполнено, а именно: первое – завещание будет утверждено. Второе – страховка сделана. Третье – все препятствия удалю, для того, чтобы мы могли с тобой обвенчаться.

Если тебе еще что-нибудь надо – приказывай, моя радость! Тебе отказа быть не может. Ты – вся моя жизнь, мое существование.

Твой навсегда П. Комаровский.

Малютка, как я тебя люблю!»

В двух страховых обществах желание Комаровского показалось подозрительным. Но в отделении австрийской компании «Анкор» полис согласились выписать. Тарновская вновь прибыла в Венецию. 9 августа, в ее присутствии, у русского консула в Вене Комаровский заверил завещание и страховку. Затем их посетил страховой агент, и Мария Николаевна настояла на том, чтобы в договор о страховке вписали пункт о том, что все деньги она сможет получить и в случае насильственной смерти графа. С этого момента судьба графа Комаровского – решена.

В глаза Тарновская называла графа «Комарулей» (а он, вслед за ней, и сам подписывался так в любовной корреспонденции) и рассказывала о планах обустройства семейного гнездышка. А Прилукову объясняла, что этот слизняк ей решительно надоел: следует его как можно скорее убить.

Прилуков вызвался сделать это сам. Но Тарновская решила: если убийство совершит Прилуков, это вызовет подозрения: их связь известна многим.

Поэтому она задумала новую комбинацию. Использовать Наумова как зомби-убийцу, превратить его в послушное орудие. Скорее всего, Наумову удастся бежать с места преступления. Но и будь он словлен, убийство это сочтут преступлением из ревности, в преданности Наумова она не сомневалась, он не выдаст ее, ну а после того как будет осужден – отбудет тюремный срок, скорее всего недолгий. Прилуков согласился: план Марии Николаевны выигрышнее его собственного.

Что будет с самим Прилуковым – не обговаривалось. Настойчивые попытки заставить его покончить жизнь самоубийством Донат Дмитриевич игнорировал.

Между тем он участвовал в планировании убийства Комаровского, знал все о Наумове и становился сообщником, от которого непросто избавиться. Прилуков был согласен участвовать в задуманной адской комбинации, страховать Наумова, следить за ним, а потом, если надо, убить глупого киллера. Тарновская и Прилуков договорились о шифрованной телеграфной связи. Комаровского решили называть «Адель», Наумову дали кличку «Берта», огнестрельному оружию – «горячее блюдо», холодному оружию – «закуска».

В Орле без Тарновской Николай Наумов запил. Узнав об этом, Мария Николаевна послала ему телеграмму с одним словом: «Дорогой!» И вот она снова в Орле. Графиня играла с Николаем, как кошка с мышкой, то отпускала, то приближала. Отдавалась, мучила, то обещала бросить навсегда, то соглашалась выйти за него замуж. Она говорила о том, что тяготится жизнью с Комаровским, что он непрерывно оскорбляет ее. Для того чтобы разогреть ревность Наумова, Прилуков, по просьбе Тарновской, отправил ей телеграмму якобы от Комаровского: «Я знаю все. Ваш Наумов – мерзавец. Сожалею о моих хороших чувствах к вам, так как вы – продажная женщина». «Видишь, как Комаровский вознаградил меня за мою дружбу к нему», – говорила она в слезах своему пылкому любовнику.

Они едут вместе в имение Тарновской Отраду. Для Наумова – это идиллия, самое счастливое время его любви; в деревне Тарновская устроила ему однажды даже сцену ревности. Наумов предложил вызвать Комаровского на дуэль, но она против: «Я не хочу, чтобы ты рисковал своей жизнью».

На самом деле резон у Марии Николаевны другой: в случае дуэли, в присутствии секундантов, скрыть имена участников поединка будет невозможно. Отношения между Тарновской и Наумовым всплывут в судебном процессе. И история со страховкой Комаровского сразу покажется подозрительной. Если все произойдет так, как задумала графиня, она получит страховую премию, избавится от Наумова и продолжит разбивать сердца.

«Так что же делать?» – спрашивает Наумов в отчаянье. – «Убить Комаровского. Освободи меня от графа, и я выйду за тебя замуж».

Наконец Наумов твердо согласился на убийство. Они поехали вместе в Киев, Тарновская повела любовника на могилу своей матери и заставила поклясться в вечной любви и верности. Затем они отправились на другое кладбище, где находилась могила Шталя. Здесь Тарновская рассказала Наумову о человеке, покончившем жизнь самоубийством вследствие того, что она не разделяла его любви. Они обменялись подарками: Мария Николаевна подарила Наумову медальон со своими волосами, а он ей браслет.

Чтобы добавить улик на случай расследования, Прилуков отправил Тарновской телеграмму за подписью Наумова: «Вы оттолкнули меня ради Комаровского, но я знаю, где он находится. Я его ненавижу и помешаю браку». А Комаровскому: «Наумов оплакивает свои чувства по отношению к Вам, потому что Вы – ничтожество». Прилукову в Вену летят телеграммы от Тарновской: «Действие превосходно» (то есть Наумова удалось уломать), «Берта – девушка горячая, пусть одна воспитывает Адель», «Берта предпочитает горячее» (и Прилуков покупает два револьвера), и, наконец, «Берта выезжает, вид ее должен быть американский: фуражка и серый костюм». Прилуков находит магазин готовой американской одежды и отвечает: «Сделаем все возможное».

Наумов уехал в Орел, Тарновская – в Вену. Они условились встретиться в Варшаве. И вскоре Тарновская вызвала Наумова, но не в Варшаву, а в Вену.

Стесненный в средствах, он наделал долгов, попросил денег у матери, но все-таки собрался туда, куда звала его Тарновская. На службе он сообщил о недомогании и выехал в Вену.

Смерть в Венеции

Август 1907 года, Вена. В отеле «Захер» напротив Венской оперы живут четверо: Тарновская, Перье, Наумов, Прилуков. Доната Дмитриевича разыскивает за долги русская полиция, и он регистрируется по чужому паспорту на имя немецкого подданного Зейферта. Тарновская не позволяет Наумову (тоже зарегистрировавшемуся под чужим именем) и носа показывать из гостиницы.

Однажды Наумов все же бежал в город и напился в первом попавшемся кабаке. Возвращаясь в гостиницу, он увидел, как Тарновская садится в экипаж с каким-то бритым господином, и устроил ей сцену ревности. Бритый господин – Прилуков, которого Наумов никогда не видел и о существовании которого не подозревал, и Тарновская объяснила: не ревнуй, это русский консул в Вене.

Вначале Тарновская уговаривала Наумова убить Комаровского в вагоне поезда, когда они вместе поедут в Москву. Наумов отказывался, плакал. Тарновская угрожала, что выйдет замуж за Комаровского и, в конце концов, сошлись на том, что убийство произойдет в Венеции.

Наумова обрядили в одежду богатого американского туриста. На случай задержания карабинерами, Перье срезала с его верхней одежды и белья все бирки. Тарновская вручила Наумову план Венеции с местоположением палаццо Маурогонато и план квартиры Комаровского. Купили билет на поезд, заранее забронировали номер в шикарном отеле «Даниэль», который находится во дворце XV века, принадлежавшем когда-то венецианскому дожу Дандоло. Здесь до Наумова останавливались императрица Сисси Австрийская, Вагнер, Байрон, Рескин, Фосколо, Альфред де Мюссе и Жорж Санд, Штраус, Гете, Пруст. «Даниэль» находился в двух шагах от палаццо Маурогонато, где жил Павел Комаровский. Из отеля за 15 минут можно добраться до вокзала – на гондоле или пешком.

Тарновская проводила Наумова на вокзал, сняла с него свой медальон, вручила пистолет и надела золотой нательный крестик. Перекрестила, пожелала удачи. Обещала грядущее совместное счастье. Николай Наумов сел в экспресс.

Он не знал, что в другом вагоне этого же поезда разместились Донат Прилуков и два нанятых им австрийских детектива. Они должны были следить за каждым шагом потенциального убийцы.

Тарновская с Перье ожидали новостей в Киеве.

Граф Комаровский готовился к приезду Марии Николаевны. Ремонтировал дом. Заказал портрет художнику Самадену Эриху, где он будет изображен в мундире и папахе казачьего полка; на шее должен быть крест – знак ордена Св. Станислава; на груди – золотые и серебряные медали на колодке. Портрет этот хранился в экспозиции Орловского музея, но пропал в годы войны, когда Орел заняли немцы.

4 сентября 1907 года. Венеция. Квартира графа Павла Комаровского. Молодой человек в коричневой шляпе и сером пальто звонит в дверь ранним утром. Хозяин еще не вставал ото сна. Открывает горничная – итальянка. Через несколько минут граф в халате выходит к незнакомцу в прихожую. По словам горничной, Комаровский явно знал визитера, был удивлен, но обрадован. Пытался обнять молодого человека. Она вышла. В этот момент из передней раздались один за другим четыре выстрела. Когда туда вбежала она и другие слуги, то увидели лежащего в луже крови Комаровского и склонившегося над ним посетителя, который плакал. Они решили, что произошел несчастный случай. Тут молодой человек встал, открыл входную дверь и убежал на улицу.

Тяжело раненного графа доставили на санитарной гондоле в единственную венецианскую больницу «Оспедаль Сивиль ди Венеция». Раны его казались несмертельными, но он потерял много крови. Комаровский назвал имя покушавшегося – это Николай Наумов, безна-

дежно влюбленный в его невесту. Раненый попросил вызвать в Венецию Марию Тарновскую. В больнице Комаровский составил завещание на имя Тарновской, он отдал ей все состояние, и поручил своего сына Евграфа. Завещание заканчивалось так: «Прошу браслет и письма Марии Николаевны положить ко мне в гроб».

Мария Николаевна получила в Киеве сразу две телеграммы: от Прилукова о том, что покушение состоялось, Наумов благополучно бежал с места преступления; и от Комаровского о том, что он ранен, но не смертельно: «Умоляю – приезжай». Тарновская с сыном и Перье выехали в Вену.

По описаниям, данным прислугой Комаровского, служащими гостиницы и гондольерами, перевозившими Наумова от дома графа до отеля и от отеля до вокзала, были установлены приметы убийцы. И уже через несколько часов после покушения его задержали в Венском экспрессе и доставили в полицию Вероны.

Поначалу Наумов отказывался давать какие-либо показания, потом признался (допрос велся по-французски): да, он – Николай Наумов, посетивший Венецию под именем Дюмона для того, чтобы убить своего соперника Комаровского. Даму, из-за которой он стрелял в графа, назвать отказался. Проявлял сильное волнение, когда перед заключением в камеру с него снимали золотой нателный крестик.

Заключенный в камеру, Наумов рыдал, у него случилась истерика и, наконец, он начал давать показания. Он не скрывал от карабинеров ничего: ни своих мазохистских пристрастий, ни историю любви-амока, которая связала его с Тарновской, ни названия венской гостиницы, где они должны были встретиться через несколько дней.

Между тем, на вторые сутки после ранения и операции по извлечению пули, Комаровскому сделали в больнице промывание желудка. Оно привело к внутреннему кровотечению и смерти.

Наумову объявили о смерти графа Комаровского. Убит он был не на дуэли (что было бы понятно в ссоре из-за женщины). Его подло и коварно убил приятель в собственном доме. Наказанием может быть и смертная казнь, если в деле не найдется смягчающих обстоятельств.

10 сентября 1907 года «Орловская речь» сообщила: «прибывшее из Венеции тело покойного графа Павла Евграфовича Комаровского следует от вокзала завтра в 9 часов утра в родовое имение Городище для погребения. О том мать и сестра усопшего извещают друзей и знакомых». На сутки перенос гроба в Городище задержалось: множество людей хотели проститься с убитым. «Жертва злодейского замысла женщины – исчадия ада» (словами той же газеты) был отпет в церкви Иоанна Крестителя, а в Городище гроб сопровождали эскадрон 51-го Черниговского полка, стоявшего в Орле, учащиеся городского училища (Комаровский был его попечителем) и дружинники основанного им Вольнопожарного общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.